

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

SCHLUSS MIT DEN PROVOKATIONEN
VON EISENHOWER UND ADENAUER-
FÜR ALLGEMEINE UND VOLLSTÄNDIGE ABRÜ...

Митинг в крупнейшем зале Берлина «Вернер-Зееленбиндхалле». На трибуне товарищ Н. С. Хрущев. Фото Центральбюро. (Снимок принят по фототелеграфу ТАСС)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОБИРАЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Год издания 32-й
№ 60 (4185)

Суббота, 21 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

БДИТЕЛЬНОСТЬ — ВАЖНЕЙШЕЕ ОРУЖИЕ ДРУЗЕЙ МИРА

«ПОТЕРЯННОЕ ЛИЦО»

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Что значит «потерять лицо»?

Это дипломатический термин, означающий прежде всего утрату престижа. Он может означать также разоблачение подлинных целей, срыв маски, а в других случаях — и раскрытие моральной нечистотности. Ключом к этому, эти слова приходится применять всякий раз, когда выступает перед обществом во всей своей неприглядности лицо подлинное, действительное, которое до поры до времени удавалось прятать. Естественно, что весь мир с удивлением взирал в эти дни на странную метаморфозу, происходившую с президентом США Эйзенхауэром. Который из его облик следовало считать настоящим? Тот ли, который может быть связан с самыми лютыми временами «холодной войны»? Или

тот, который олицетворяет его переговоры с Н. С. Хрущевым в Камп Девиде? Или тот, что предьявлен для обозрения сейчас, когда президент принял на себя всю ответственность за шпIONSКИЕ налеты на СССР, объявил их «нормальным» выражением внешней политики США?

Не случайно один из вопросов, заданных Никите Сергеевичу на пресс-конференции 18 мая, гласил: можете ли Вы объяснить причины различия между позициями президента США в Камп Девиде и сейчас в Париже? Товарищ Хрущев напомнил, что все последние факты свидетельствуют об активизации в США самых реакционных сил, Пентагона, военщины: «Они давят на президента. Именно они послали самолет в нашу страну, — конечно, с разрешения господина президента. Этим и могу объяснить изменение, происшедшее в политике США после наших бесед с президентом Эйзенхауэром в Камп Девиде».

Пожалуй, трудно говорить, что в этих условиях господин Эйзенхауэр «потерял лицо», хотя именно в этом смысле пишут о нем даже многие буржуазные газеты. Скорее всего, обнаружилось, что у него просто нет четкого профиля, ясно «политического лица», политической линии. Он слишком поддается влияниям.

Как все мы помним, этот американский президент полностью перевернул в течение многих лет определение внешнеполитического курса своей страны государственным секретарю Джоуи Фостеру Даллесу, а это был курс агрессивный, сугубо антисоветский, получивший название политики «на грани войны».

Вскоре после смерти Даллеса в прошлом году президент США поддался более разумным, более трезвым советам, являющимся не только от некоторых кругов в Америке, но и из стран — союзниц США, в частности Англии, советам, продиктованным лучшим пониманием изменившейся обстановки на земном шаре. Внезапным было решение Эйзенхауэра обменяться визитами с Н. С. Хрущевым, — в то время, в августе-сентябре 1959 года, это казалось очень важным и существенным изменением внешней политики Вашингтона. Но позвольте, — и отнюдь не 1 мая 1960 года, а значительно раньше, — другие, империалистические влияния снова «изменили» взгляды президента.

Тут уже можно говорить не о «потере», а об отсутствии собственного лица. Жаль, разумеется, но таков непреложный факт. И это признают сейчас все. Любопытно, например, высказывание вид-

ного итальянского общественного деятеля, депутата парламента Туллио Веккьети. Он сказал в Риме 19 мая: «В берлинском вопросе Эйзенхауэр поддался шантажу Аденауэра, полностью приняв его экстремистские тезисы. В вопросе о разоружении англо-американская сторона не отступила ни на миллиметр от своей позиции, основывающейся на введении контроля без каких бы то ни было конкретных гарантий осуществления разоружения. Между тем Англия и США прекрасно знают, что подобная позиция не приемлема для СССР. Наконец, и в вопросе о запрете испытаний атомного и водородного оружия американские представители встали на точку зрения военных кругов». Веккьети подчеркивает несостоятельность Эйзенхауэра «противостоять давлению американских империалистов».

Словом, всегда и неизменно чья-то посторонняя «точка зрения», чье-то давление, несостоятельность противостоять...

Вместо лица — некое расплывающееся серое пятно. Могут ли чего-либо стоить слова, обещания, выспренные клятвы в любви к миру и даже к разоружению, если они произносятся таким деятелем, заглянувшему в будущее которого никто не может предугадать?!

МАСКА, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ,
СОРВАНА

Фигура доживающего последний год своего пребывания в Белом доме американского президента — любопытное явление в доживающем свой век капиталистическом обществе. Но не к этому факту должно быть приковано сейчас наше внимание. В Париже в эти дни произошло нечто более значительное: блестящим маневром нашей дипломатии удалось сорвать маску со всей политики Запада, прежде всего — США.

И это крайне важно для всего огромного, трудного дела всенародной борьбы за мир. Люди доброй воли обязаны хорошо знать обстановку. Сколь ни неохотно, (Окончание на 2-й стр.)

Иосиф БАЛЦАН

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Кто от дедов не слышал такого завета:

«С конюградом не держат совета, Если в виноградник лезут воры, С ними не ведут переговоры, Если кто без спроса влез во двор, Приготовь не утешенье, а топор».

И другую мудрость слышал я от дедов:

«Не жалей вина для гостя, для глупца — совета».

Вот и где совет я из моей Молдовы, Там, где не расходятся с делом слово,

Где не позабыли: «Если лезут воры, С ними ни к чему переговоры».

Не летать вам в нашем небе, воры и пираты, Кто весну одеть хотел бы снова в маскляты!

Если в виноградник влезли воры, С ними ни к чему переговоры.

Перевел с молдавского В. АЛЕКСАНДРОВ

Разоблачать происки агрессоров!

КОГДА на Спасской башне Кремля стрелки показывали семь часов вечера, в Берлине было пять часов пополудни. Толпы людей заполнили в этот час огромную площадь перед залом имени Вернера Зееленбидера. Хотя этот зал — один из крупнейших в городе, он вмещал лишь небольшую часть всех стремившихся попасть туда — всего пять тысяч человек. Стрелки новой социалистической Германии собрались, чтобы встретиться с Никитой Сергеевичем Хрущевым, руководителем Германской Демократической Республики, послушать их выступления.

На митинг прибыли Н. С. Хрущев, Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь, Р. Я. Малиновский, видные деятели Германской Демократической Республики, первый секретарь ЦК КПГ Макс Рейман. Трудно передать восторг и воодушевление, с которыми было встречено их появление. Особенно жаркие аплодисменты выпалили, когда — после выступления председателя Национального совета Национального фронта демократической Германии Э. Корренса — на трибуну поднялся Н. С. Хрущев.

В НАЧАЛЕ выступления Никита Сергеевич передал горячий, братский привет жителям Берлина, всему народу Германской Демократической Республики и поблагодарил берлинцев за дружескую встречу.

Большую часть своей яркой речи Никита Сергеевич посвятил вопросу, который сейчас волнует всех людей на земле: почему была сорвана встреча глав правительств четырех великих держав. Он заявил:

«К сожалению, встреча в верхах не состоялась, ее торпедировали своими провокационными, агрессивными действиями правящие круги Соединенных Штатов Америки».

Советский Союз готовился к встрече на высшем уровне с самыми серьезными и добрыми намерениями. Как казалось, западные участники встречи тоже придерживались такого взгляда. Однако серьезные опасения внушила скрытая и сложная борьба различных политических сил в Соединенных Штатах Америки, борьба между сторонниками «холодной войны» и гонимыми сторонниками мирного сотрудничества — с одной стороны и мирного сотрудничества — с другой. В итоге оправдались худшие предположения о расстановке сил в США. Виднейшие круги, которые не заинтересованы в ликвидации напряженности и «холодной войны», находятся в близком окружении президента и дают на него. Вторжение — с ведома президента Эйзенхауэра — разведывательного самолета в пределы нашей страны, провокационные угрожающие речи государственных деятелей США, к которым присоединился и Эйзенхауэр, — все говорило о том, что правительство Соединенных Штатов не хочет решения назревших вопросов, стремится к обострению отношений и созданию ненормальных условий для встречи в Париже.

«Но Советское правительство упорно и настойчиво стремится к миру, — подчеркнул Н. С. Хрущев. — Для того, чтобы разумно разрешить назревшие вопросы, дать людям возможность спокойно работать и жить, оно готово использовать даже малейший шанс, даже малейшую возможность. Нам казалось, что надежда еще не потеряна, и мы продолжали готовиться к этой встрече».

Именно поэтому, несмотря на повторную засылку самолета-шпиона в Советский Союз, несмотря на безрассудные и

авантюристичные заявления агрессоров о том, что вторжения американских самолетов будут продолжаться, советская делегация все-таки решила ехать в Париж.

Н. С. Хрущев поясняет, зачем американцы пошли на провокацию с самолетом «У-2». Они хотели наказать на Советский Союз, сделать его более створчивым, хотели ослабить его позиции.

«Видно, — замечает Н. С. Хрущев, — президент Эйзенхауэр, Гергер, Никсон и особенно Аллен Даллес кривили в ушах свое лица, предвкусывая встречу глав правительств в Париже, когда Эйзенхауэр будет поглядывать на Хрущева и думать — что вы здесь нас уговариваете, самолеты Соединенных Штатов летаю над территорией Советского Союза, мы сделаем ничего не могли и все-таки приехали в Париж. Следовательно, вы не можете так требовательно добиваться соглашения о разоружении, о заключении мирного договора с Германией и с другими народами».

Но, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы сблеи самолет первой ракетой. Мы поехали в Париж потому, что верны своей политике борьбы за мир, за разрядку напряженности. Мы решили встретиться с главами правительств и заявить, что политика, которую проводит Соединенные Штаты, ведет не к соглашению, а к обострению, к срыву возможной договоренности».

Примерный к стене неопровержимыми фактами, президент Эйзенхауэр пошел на увертки, на полупризнания; но правительство США не осудило свои действия, не обещало наказать виновных и не извинилось перед СССР. В таких условиях согласие советской стороны на совещание было бы американской военной победой, которую бы ей все позволено, что она может разговаривать языком силы.

Бурное одобрение вызвали слова Никиты Сергеевича:

«Советское правительство предложило созвать совещание через 6—8 месяцев. Как говорится, «куро вечера мудренее». Если мы не найдем общего языка для решения спорных международных вопросов с нынешними руководителями США или при президенте, который придет на смену Эйзенхауэру, тогда будем ждать следующего президента. Но с решением вопроса о ликвидации остатков второй мировой войны, заключении мирного договора с Германией и урегулированием на этой основе западноберлинского вопроса мы долго ждать не будем. Если западные державы не проявят к этому готовности, мы вынуждены будем искать решения этих вопросов вместе с теми странами, которые крайне заинтересованы в укреплении мира в Европе и готовы подписать мирный договор».

Однако Советское правительство хотело бы верить, что через 6—8 месяцев совещание в верхах состоится, что оно найдет решение давно назревшего вопроса о подписании мирного договора с двумя германскими государствами. Поэтому в отношении германского мирного договора, и в том числе по вопросу о Западной Берлине, видимо, надо будет сохранять существующее положение до встречи глав правительств.

А какую же политику в ближайшие 6—8 месяцев будут проводить Советский Союз и социалистические страны, входящие в Варшавский договор? Они будут делать все необходимое, чтобы вести дело к оздоровлению международной обстановки и улучшению отношений между государствами. Решающую роль в этом могло бы сыграть полное и всеобщее раз-

оружие. «Разоружение — это проблема всех народов», — сказал глава Советского правительства.

СЕРЬЕЗНОЕ внимание уделял Н. С. Хрущев нетерпимому положению в Западной Германии, где с каждым годом растет влияние милитаристских кругов. Эти круги находят полную поддержку у американских империалистов, с которыми их объединяет ненависть к странам социализма. А вдохновителем их общей агрессивной политики выступает не кто иной, как Аденауэр.

«Ослепленный своей ненавистью ко всему новому, живому, свежому, этот человек руководствуется политикой, которая направлена на подготовку рванчистой войны», — говорит Никита Сергеевич. «Честные немцы говорят, что дела Аденауэра в какой-то степени все больше напоминают то, что делал Гитлер. Известно, чем кончилась бесноватый фюрер, но Аденауэру все же не мешает. Видно, ему вскружило голову то обстоятельство, что его, так сказать, взяли себе в наставники руководители внешней политики Соединенных Штатов Америки».

О берлинцах хорошо знают, как гласит в наставники руководители внешней политики Соединенных Штатов Америки некоторые журналисты) по по-

БЕРЛИН, 20 МАЯ

Как бы ни хотелось, но трудно найти достаточно выразительные и яркие слова, чтобы рас-

сказать о том громадном воодушевлении, той теплоте, с которой был встречен Никита Сергеевич Хрущев на немецкой земле. И никакое описание этой восторженной встречи, никакие детали не будут достаточно полными и точными, если не сказать о тех людях, в Германии, определяющих отношение людей к этому дружескому визиту главы Советского правительства.

Именно здесь, в Берлине, особенно чувственно, что империалисты ничего так не страшатся, как народа, умеющего отличать своих друзей от своих врагов. Поэтому они используют Западный Берлин не только для действий шпионских и рванчистских банд, но и для идеологического воздействия при помощи печатного слова, телевидения, радио. Все это используется для подстрекательской и огульной пропаганды. И вот в этом Берлине я услышал вчера в метро разговор двух рабочих, являвшихся из одного района Западного Берлина в другой. Они говорили о событиях последних дней.

— Разве американцы были не правы, когда они отвергли ультиматум Хрущева? — спросил один из них.

— Какой ультиматум! Представь себе, что кто-то ворвался в твой дом. Ты застел его и вышвырнул вон. А вскоре после этого тебе предстоит встретиться с ним и о чем-то договориться...

— Да, — прервал первый, — конечно, вор должен сначала, по меньшей мере, извиниться...

— А если он не только отказывается это сделать, а хочет доказать, что имеет право врываться в чужой дом...

— Да, так дело не пойдет. И пусть лучше он мне не попадается.

— Вот видишь, точно так же рассуждают русские...

— Пожалуй, ты прав. Если бы Хрущев уступил им, то американцы обменялись бы еще больше.

«И тысячу раз был прав Вальтер Ульбрихт, называя восторженным прием, оказанный берлинцами Никите Сергеевичу, «народным голосованием на улицах Берлина». Мысль, высказанная в разговоре двумя рабочими, нашла отклик и в речи Вернера Зееленбидера, являвшегося демонстрацией дружбы с советским народом. Отметив, как когда-либо, создавали в этот день жители Берлина, вместе с ними все немцы и все народы мира, что реальная мощь социалистического лагеря определяет ныне и будет определять в будущем мировую политику. Наш топ Куба выразил эту идею следующими словами: «Если у голубя есть сила, то не будет больше войны».

И когда господа из Пентагона попытались возвести закон Дунтлея в закон жизни народов, они понесли двойное поражение: им пришлось почувствовать си-

воду срыва совещания в верхах. Но — надолго ли его торжество?..

Берлинцы хорошо знают и другого деятеля такого же толка — шумливого бургомистра Западного Берлина г-на Брандта. И они полностью согласны с Н. С. Хрущевым, что баловство с огнем («бранд» по-немецки значит «пожар») может повлечь неоправданные последствия, в первую очередь для самого г-на бургомистра.

«Нам нужен мир, — заявил под конец Никита Сергеевич. — И мы будем, не жалея своих усилий, добиваться смягчения международной напряженности, будем с этой целью упорно и настойчиво вести переговоры с западными державами. Но мы не позволим, чтобы империалисты разговаривали с нами с позиции силы. Мы должны разоблачать происки агрессоров, посылать бдительность народов, еще более сплачивать ряды борцов за великое и благородное дело мира».

Берлинцы устроили бурную овацию Никите Сергеевичу, преподнесли ему большой букет красных цветов. Митинг, на котором выступил также первый секретарь ЦК СВПГ Вальтер Ульбрихт, превратился в великодушную и грандиозную демонстрацию дружбы между советским и немецким народами, показал, что свободные народы не позволяют агрессорам своим провокациями подрывать дело мира.

БЕРЛИН, 20 МАЯ

Как бы ни хотелось, но трудно найти достаточно выразительные и яркие слова, чтобы рас-

сказать о том громадном воодушевлении, той теплоте, с которой был встречен Никита Сергеевич Хрущев на немецкой земле. И никакое описание этой восторженной встречи, никакие детали не будут достаточно полными и точными, если не сказать о тех людях, в Германии, определяющих отношение людей к этому дружескому визиту главы Советского правительства.

Именно здесь, в Берлине, особенно чувственно, что империалисты ничего так не страшатся, как народа, умеющего отличать своих друзей от своих врагов. Поэтому они используют Западный Берлин не только для действий шпионских и рванчистских банд, но и для идеологического воздействия при помощи печатного слова, телевидения, радио. Все это используется для подстрекательской и огульной пропаганды. И вот в этом Берлине я услышал вчера в метро разговор двух рабочих, являвшихся из одного района Западного Берлина в другой. Они говорили о событиях последних дней.

— Разве американцы были не правы, когда они отвергли ультиматум Хрущева? — спросил один из них.

— Какой ультиматум! Представь себе, что кто-то ворвался в твой дом. Ты застел его и вышвырнул вон. А вскоре после этого тебе предстоит встретиться с ним и о чем-то договориться...

— Да, — прервал первый, — конечно, вор должен сначала, по меньшей мере, извиниться...

— А если он не только отказывается это сделать, а хочет доказать, что имеет право врываться в чужой дом...

— Да, так дело не пойдет. И пусть лучше он мне не попадается.

— Вот видишь, точно так же рассуждают русские...

— Пожалуй, ты прав. Если бы Хрущев уступил им, то американцы обменялись бы еще больше.

«И тысячу раз был прав Вальтер Ульбрихт, называя восторженным прием, оказанный берлинцами Никите Сергеевичу, «народным голосованием на улицах Берлина». Мысль, высказанная в разговоре двумя рабочими, нашла отклик и в речи Вернера Зееленбидера, являвшегося демонстрацией дружбы с советским народом. Отметив, как когда-либо, создавали в этот день жители Берлина, вместе с ними все немцы и все народы мира, что реальная мощь социалистического лагеря определяет ныне и будет определять в будущем мировую политику. Наш топ Куба выразил эту идею следующими словами: «Если у голубя есть сила, то не будет больше войны».

И когда господа из Пентагона попытались возвести закон Дунтлея в закон жизни народов, они понесли двойное поражение: им пришлось почувствовать си-

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ!

Всей душой поддерживаю обращение советских писателей к писателям США опубликованное 17 мая «Литературной газетой». Верю, что на него откликнутся американские литераторы. Агрессивные действия американской авиации — прямая угроза священному делу мира. Их осуждает все человечество. Это и прямая измена своему народу.

Вызвано к разуму и совести заочных работников пера, первая обязанность которых — бороться за правду и справедливость, за мир во всем мире.

Максим РЫБСКИЙ
КИЕВ, 20 мая. (По телеграфу)

ЧУДЕСНЫЕ ДНИ СРЕДИ РУССКИХ ДРУЗЕЙ

ЗАКОНЧИЛИСЬ Дни литовской поэзии. А несколько месяцев тому назад на только что пушенной Каунасской ГЭС, в больших рабочих аудиториях, в колхозах и в Виленском государственном университете русские поэты были встречены горячими чувствами настоящей дружбы, любви и братского приветия.

С открытым сердцем, с настоящим русским гостеприимством встретили нас наши друзья — русские поэты. Перед нами распахнулись двери больших московских залов, мы выступали по радио и по телевидению, московские газеты представили свои страницы для стихов наших поэтов. И это было не только в Москве, Горький и Орел также встретили нас, как своих самых дорогих гостей.

В первую зиму Великой Отечественной войны недалеко от Горького организовалось Литовское соединение Советской Армии, а через год на орловской земле оно получило боевое крещение. Мы посетили священные для литовского народа места. В селе Алексеевском Покровского района мы стояли у братской могилы, где похоронены павшие смертью храбрых.

Мы, литовские поэты, вспомнили о том, что не одна строфа нашей молодой, новой поэзии родилась в те дни именно здесь, на орловской земле. И мы читали теперь эти стихи собравшимся у братской могилы. Вокруг стояли пожилые люди с лицами, на которых оставила свой след война, стояли женщины со слезами в глазах, стояли дети с пионерскими галстуками, с охапками весенних цветов. Все мы жили одним святым чувством — не допустить новой войны, укрепить нашу дружбу, строить коммунизм. В каждом из нас жила та же горячая любовь к нашей великой Родине, которая в

эти дни запустела вокруг Земли огромный космический корабль, символ ума и мощи нашего народа.

Последние колхозники, хорошо помнящие бон Отечественной войны, клемнилы позором американских провокаторов новой войны. Вместе с приехавшими к ним литовскими поэтами они решительно заявляли, что нет силы, которая могла бы поколебать великую дружбу наших народов, нашу веру в торжество мира на земле.

Литовские поэты уже давно связаны с такими испытанными друзьями, как Н. Тихонов, П. Антокольский, А. Сурков, М. Светлов, Л. Озеров, Д. Бродский и многие другие. Сейчас к этой чудесной плеяде добавились наши новые славные друзья — Я. Смеляков, Б. Слудский, Р. Рождественский, В. Тушнова, В. Захарченко, Д. Бельский и многие другие... Вместе со своими русскими друзьями мы обсуждали задачи нашей поэзии в строительстве коммунизма, проблемы формы, традиции и новаторства. Мы говорили о том, как лучше организовать перевод и издание литовской поэзии на русском языке и русской — на литовском. Это дело давно хорошо начато и теперь нуждается в дальнейшем развитии.

Мы возвращаемся домой в наш древний Виленский. Мы не забудем Дней литовской поэзии. Эти дни помогли нам глубже почувствовать пульс нашей огромной страны, увидеть созидательный труд русского народа. Всем, что мы имеем — новыми городами и заводами, новыми шахтами, театрами, стадионами, книгами, нашей свободой и счастьем народа — всем этим мы в очень большой степени обязаны русскому народу. И откровенно глупыми и гнусными кажутся усилия заочных прислужников американских империалистов — отщепенцев литовского народа

— поселять у нас недоверие к русскому народу, вызывать рознь и ненависть между нашими народами! Никогда этому не бывать!

Все увиденное и пережитое нами за эти дни обогатило литовскую поэзию новыми темами, чувствами и образами, еще больше наполнило ее дыханием современности, животворным ветром эпохи, идеями интернационализма и дружбы народов. В этом, как мне кажется, главный смысл наших дружеских встреч, нашей чудесной поэзии.

От всего сердца литовское спасибо вам, дорогие друзья русские поэты! Спасибо великой Москве, нашей общей столице! Спасибо славным городам Горькому и Орлу! Спасибо русскому народу, народу с большим, чутким и любящим сердцем!

Антанас ВЕНЦЛОВА

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

О награждении писательницы
Берггольц О. Ф. орденом
Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и учитывая заслуги в развитии советской художественной литературы, наградить тов. Берггольц Ольгу Федоровну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 20 мая 1960 г.

ПРОГРАММА ЗАВЕРШЕНА

По сообщению ТАСС, намеченная программа исследований полета корабля-спутника закончена. 19 мая в 2 ч. 52 м. была передана команда для осуществления спуска корабля-спутника с орбиты. Однако, в результате появившейся к этому времени неисправности, направление тормозного импульса отклонилось от расчетного. В результате вместо уменьшения скорости корабля произошло ее увеличение и корабль-спутник перешел на новую эллиптическую орбиту, имеющую значительно больший апогей. Отделение герметической кабины от корабля-спутника произошло и при этом зарегистрирована нормальная работа системы стабилизации кабины.

В результате первого запуска корабля-спутника решен ряд важнейших научных и технических задач. Полученные данные по первому полету корабля-спутника дали большой материал для осуществления будущего управляемого полета человека в космосе и показали правильность основных положений, принятых при создании космического корабля.

БДИТЕЛЬНОСТЬ — ВАЖНЕЙШЕЕ ОРУЖИЕ ДРУЗЕЙ МИРА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

с тысячами оговорок шли на некоторое смягчение международной напряженности правящие круги США, — им удавалось создавать кое-какие иллюзии в умах честных друзей подлинного мира. Эти круги маскировали свои подлинные намерения, свою острую «боязнь мира», свою ненависть к самой идее разоружения.

Теперь они разоблачены. Прислушавшись к голосам наиболее трезвых обозревателей. Австралийская газета «Трибюн» пишет: «Твердая позиция Советского Союза позволила обнажить агрессивную сущность НАТО, цель которой — окружить военными базами Советский Союз. Народам Турции, Норвегии и Исландии и даже Англии сейчас совершенно ясно, для каких целей нужна территория их стран для НАТО». «Моральные позиции США как лидера атлантического союза заметно пошатнулись», — заявляет председатель бельгийского сената Стрей.

Американская пресса, американское радио и все пропагандисты госдепартамента неустанно твердили, что разоружение — это путь не к главной, основной цели политики США. Скрывая, в частности, свое стремление сорвать на парижском совещании в верхах обсуждение вопроса о Западном Берлине и мирном договоре с Германией, дипломаты США и ФРГ неустанно скандировали — важнейшее «задачей» это ключ к решению всех задач! А сейчас прогрессивная американская газета «Нейшл гардиан» справедливо указывает, что и эта маска сорвана.

Соединенные Штаты, замечает газета, «сперва пытались эту проблему в миф «холодной войны», мешая успеху на пути разоружения и даже пытались опарывать полеты шпионских самолетов на советскую территорию тем, что Советский Союз «сделал из секретности фетиш». Научные переговоры о разоружении, продолжавшиеся 13 лет, свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты, отнюдь не прибавляя разоружения, просто пытаются придать законную форму антисоветскому шпионажу. Иными словами, целью, видимо, является не мир, а победа в случае войны»...

И не только в этом вопросе американская политика претерпела сейчас перед всем миром в своем истинном виде. Наиболее смелые из американских буржуазных газет настаивают сейчас на полном пересмотре всех основных аспектов этой политики. Газета «Нью-Йорк пост» в по-

море от 19 мая призывает американцев критически пересмотреть общий курс.

«Конкретно говоря», — пишет газета, — «нужно установить, остаются ли в силе постулаты Даллеса—Ачесона, на которых основана наша политика? Кто руководит ею — Белый дом или Пентагон и его бочбарды из комиссии по атомной энергии? Является ли наша политика обороной, которая отражена в структуре и структуре НАТО, такой же жизнеспособной в 1960 году, какой она была в 1950? Служит ли сегодня окружение Советского Союза базами ракет и бомбардировщиков таким же средством сдерживания, каким оно было вчера? Является ли вооруженная Германия (имеется в виду ФРГ. — Б. Л.) решающим условием сохранения мира или превратилась в угрозу миру? Чем определяется наше отношение к Восточной Германии — жесткой позицией Аденрауэра или добродушной расхолаженностью Эйзенхауэра? И, наконец, последнее, но не самое маловажное: мы должны восторженно обсуждать вопрос о том, служит ли наша политика в отношении красного Китая и Формозы интересам демократии или интересам коммунизма?»

Сама терминология этой статьи свидетельствует, что ее автор отнюдь не испытывает особых симпатий к Советскому Союзу. Но он в глубокой тревоге в связи с разоблачением подлинных — и отнюдь не мирных — целей американской внешней политики.

Подобных высказываний множество. Смысл их один — военные круги, Пентагон, все, что влияет на президента США и «направляет» его, названы, разоблачены, а сама политика Запада претерпела перед человечеством без прикрас. Открывшаяся картина — печальна. Ей не приходится радоваться. Но она должна была претерпеть и претерпела в своем подлинном виде. В этом великая заслуга Н. С. Хрущева.

Вот лишь одно из высказываний газет нейтральных государств. Они не высоко ценят реалии американских органов прессы, старающихся сейчас «взвешивать» за срыв совещания в верхах на Советский Союз. Индийская газета «Индак экспресс» пишет: «Несмотря на провокации и открытое признание президентом Эйзенхауэром агрессивных намерений, Хрущев решил поехать в Париж с чистым сердцем и искренним желанием ослабить международную напряженность и «холодную войну». Мир знает обо всем этом. Картина завершается таким отъездом Хрущева, который не создает впечат-

ления, будто он похоронил совещание в верхах, а что он уезжает после того, как он терпеливо ждал, когда президент Эйзенхауэр расцвет его (Хрущева) сомнениям насчет добрых намерений Запада. Хрущев надеется именно так завершить картину. Итак, если даже имел место провал совещания на высшем уровне, то Хрущев победил».

Теперь мир лучше знает подлинные цели и намерения американского империализма. Люди научатся лучше распознавать благочестивые заверения представителей Белого дома. Хорошее знание и настороженная бдительность — это великие ценности, необходимые всем правым, честным, благожелательным людям, часто не верящим, что на свете могут существовать такие вещи, как подлость и лицемерие.

ЛИКОВАНИЕ

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО...

На пресс-конференции в Париже Н. С. Хрущев напомнил слова «большого неца» Августа Бебеля, который сказал, что если тебе ругают враги рабочего класса, значит, ты на правильном пути.

Ругают нашу политику как раз те, кто восхваляет сейчас президента Эйзенхауэра за его крутой поворот от «духа Эйм Давида», за срыв совещания в верхах. Н. С. Хрущев, как известно, из Парижа поехал в Германию, в Демократическую Республику, где рабочий класс успешно строит социализм, — он встретил там дружески и восторженно. Господин Эйзенхауэр направил свои стопы в противоположную сторону — в Португалию. Он явился в самую законсервированную восточную — Португалию. Вот сообщение «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан»: «Лиссабон приветствует Айка как героя». Корреспондент газетки Смит пишет: «Было ясно, что в Португалии, где коммунистическая партия запрещена уже в течение 30 лет, генерал Эйзенхауэр был героем парижской схватки с Хрущевым».

Итак, вот кто радуется агрессивному курсу политики США. Есть и второй «ликующий». Это — чанкайшанцы на Формозе. Агентство Франс Пресс сообщает: «Провал совещания в верхах вызвал великую радость среди китайских националистов — самую большую радость за многие годы... В конфликте между Востоком и Западом эмигранты на Формозе выдвигают самый лучший, если только не единственный, шанс возвращения на континентальный Китай».

Есть, наконец, и третий ликующий, пожалуй, самый главный виновник провала совещания в верхах. Это — американские торговцы оружием. Невозможно без отвращения читать статью финансового обозревателя «Нью-Йорк пост» Сильвио Портер, открывшего заявляющую, что «корпорации, связанные с производством оружия, могут быть спокойны за свой бизнес».

Военный бюджет теперь увеличится, предсказывает обозревателю. А значит, попортятся деньги, прибыль возрастает. С «боязнь» мира» покончено — эта угроза отпала. «Досье по названию «Разоружение» мы задвинули на дальнюю полку!»

Думается, однако, что и ненавидимые народами фашистские диктаторы типа португальского Салазара, и навски истребленные из Китая гоминдановцы, и беззастенчивые бизнесмены радуются явно преждевременно. Войну не удастся называть человечеству, а новая вспышка «холодной войны» и тонки вооружений, если на это пойдут заправлены американской политикой, не принесет ни успеха. Наоборот, сейчас в обстановке такого разоблачения, такой нежелательной для врагов мира гласности еще труднее им будет вернуть свою опасную политику.

Но бдительность и еще раз бдительность! Таков наш лозунг.

ПРИЖИ — МОСКВА

ПРЕОДОЛЕТЬ ГРАНИЦЫ!

Я не хочу говорить о технических подробностях этого необычайного научного достижения, наполняющего восхищением и восторгом сердца людей всего мира. Полет космического корабля — это еще один шаг, и самый важный, к победе над космосом. Мои самые пламенные пожелания: преодолеть общими усилиями границы, поставленные человечеству в его стремлениях к усовершенствованию отношений между людьми во всем мире, точно так же, как уже преодолены границы, которые, казалось, были навечно поставлены провинциальному человеку во Вселенную.

Карло ЛЕВИ,
итальянский писатель
РИМ. (По телефону)

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

Великий подвиг советской науки и техники заставил нас всех испытывать чувство стыда за то, что мы все еще не в состоянии навести порядок на Земле с такой же исключительной находчивостью и совершенством, с какими обеспечены полет в мировом пространстве нового космического корабля-спутника.

Арнольд ЦВЕИГ,
немецкий писатель
БЕРЛИН. 20 мая. (По телеграфу)

Корабли полетят к Марсу

Первое чувство, которое я ощутил, узнав о запуске советского космического корабля, было, разумеется, чувство восхищения. У нового спутника огромный вес: 4540 килограммов. Это значит, что советские ученые использовали новые мощные ракеты. Эти ракеты с успехом могут быть также использованы для разработки новой программы космических исследований. Думаю, что в ближайшем будущем советским ученым удастся воспользоваться от земного приращения полезный груз весом более одной тонны. Полагаю также, что в скором времени Советский Союз сумеет послать космическую ракету в направлении планеты Марс и что мы впоследствии получим необычайно интересные данные об этой планете, на которой, по моему убеждению, в той или иной форме должна существовать жизнь.

Альбер ДЮКРОК,
французский ученый
ПАРИЖ. 20 мая. (По телефону)

КОРАБЛЬ ДЕРЗАНИЙ, КОРАБЛЬ МИРА

В ОКРУГ Земли за 91 минуту! Сейчас это уже не мечта, а факт, волнующий больше любой фантазии. Ведь несущийся по небу предмет, который миллионы людей могут сейчас наблюдать невооруженным глазом, — это не спутник размером с футбольный мяч, даже не контейнер с чувствительными приборами весом в тонну, а сооружение в четыре с половиной тонны, первый в мире космический корабль, в котором, по словам советских ученых, человек — самый чувствительный из всех приборов — сможет за 91 минуту обогнуть земной шар и остаться живым.

Прошло, Жюль Верн, друг нашей юности, достижение это превосходит самые необузданные твои мечты. Великий дерзновенный подвиг советской науки снова демонстрирует моральное и материальное превосходство социалистического общества в наш век быстрых перемен и исторических свершений. Миллионы жителей Нью-Йорка, Парижа и Лондона, которые встречают и провожают солнце, глядясь в небо, чтобы увидеть в нем новое явление, не испытывают при этом ни малейшего страха. Советский космический корабль — счастливое знамение в небе, посланец мира. Нет на его борту шпионских фотоаппаратов для нарушения суверенитета великих или малых держав, он послан не с целью подготовки опустошительной войны, которая может смести с лица земли цивилизацию, потом и кровью создававшуюся на протяжении веков.

Никогда пилот этого корабля не захватит с собой бутылку с ядом, чтобы отнять у себя жизнь, ибо его полет послужит утверждению могущества человека над побеждаемой Вселенной и его права жить для новых завоеваний.

Комментаторы, еще не отказавшиеся от образа мыслей, присущего «холодной войне», стараются запугать людей своими бесконечными грязными домы-

— Спутник... Лунник... корабль... наравле! Рисунок Н. Лисогорского.

лами, хитроумными искажениями фактов и сложными нагромождениями лжи, транслируемыми по радио и телевидению. Но эти напыщенные жабы, предвещающие беды своим «ивакам», бессильны помешать проникновению громких отчетливых сигналов советского космического корабля в дом каждого человека даже через самый маленький семейный приемник.

Вглянитесь-ка в окно, расслапнутое настежь в эти теплые весенние вечера, когда вся природа радуется уходу зимы, и вы увидите над цветущими деревьями бугор из сверкающего металла, созданный руками советского человека, исторический корабль, прокладывающий яркий след в синеве неба. Он рассказывает нам о мужестве, о смелых замыслах, о мирных целях и человеческой доброте советских людей.

С радостным сердцем приветствуем мы тебя, корабль дерзаний, корабль мира!

Питер ТЕМПЕСТ,
английский поэт
ЛОНДОН. 20 мая. (По телеграфу)

Реакция Америки

В ЧЕРА вечером в Нью-Йорке состоялся грандиозный митинг. В первый раз за последние десятилетия представители сил мира Америки до отказа заполнили самый большой зал Нью-Йорка. Митинг, прошедший под лозунгом «Мир без войны», — надежда человечества, был создан буржуазно-либеральной организацией «Американская ассоциация за разумную ядерную политику». Тисячи весьма решительно настроенных нью-йоркцев собрались в «Мэдисон сквер саден», чтобы послушать таких известных деятелей, как г-жа Элеонора Рузвельт, губернатор штата Мичиган Уильямс, бывший губернатор штата Канзас Лондон, член «Комитета за разумную ядерную политику» Норман Томас и другие.

Выступающие требовали прекращения ядерных испытаний и проведения серьезных переговоров об укреплении мира; они призвали твердо вступить на путь, ведущий к достижению взаимного доверия и к мирному сосуществованию.

За последние два дня вся громадная машина пропаганды была приведена в действие с целью убедить американский народ, что провал совещания в верхах будто бы явился результатом односторонних действий СССР. Однако ни один из ораторов, выступавших на вчерашнем митинге, — а они представляют влияние и ответственные политические круги, — не согласился с этим утверждением. Все они без исключения требовали руководства, прекратить раздувание националистических страстей.

Норман Томас гневно выступил против усиленного перевооружения Западной Германии. Бывший губернатор Лондон, известный как весьма консервативный деятель (в 1936 году он был соавтором Рузвельта на президентских выборах как кандидат республиканской партии), решительно заявил: «Необходимо пробудить мировое общественное мнение с тем, чтобы оно потребовало добросовестного продолжения попыток добиться запрещения ядерных испытаний».

Особенно резко выступил губернатор штата Мичиган демократ Уильямс. Не называя президента Эйзенхауэра по имени, он сказал о бывшем французском премьер-министре: «Жорж Клемансо как-то раз заметил: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам». Так поставленный им вопрос о том, я ли знаю, действительно ли война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам, но что сказать о космическом корабле по-настоящему еще не начиналось. Тем не менее амери-

Карл МАРЗАНИ,
американский писатель

отдать дело мира целиком в руки генералов? Перед участниками митинга выступили виднейшие американские артисты, в том числе Гарри Беллафонте. Два известных комика разглагольствовали, в котором остроумно высмеяли новейшие провалы американской внешней политики. Один артист говорил об отказе президента Эйзенхауэра извиниться, в другой отвечал, что он, мол, это понимает, поскольку у президента есть престиж. «Что касается меня», — продолжал он, — у меня нет престижа. Мне кажется, я с удовольствием бы извинился». Эти слова были встречены горячими аплодисментами.

После митинга более четырех тысяч его участников во главе с губернатором Уильямсом, писателем Норманом Томасом и другими прошли по улицам Нью-Йорка. Молодежь громко скандировала: «Мы не хотим войны! Мир, мир, мир!» Среди ночи участники шествия приблизились к зданию Организации Объединенных Наций и остановились перед ним. Это была молчаливая демонстрация глубокого стремления американцев к миру.

Пока еще рано делать выводы относительно того, удастся ли американским правящим кругам раздуть небывалую по своим масштабам кампанию ненависти. Народ сбит с толку, встревожен, дезориентирован. Однако, по моему мнению, этот митинг, — судя по тону выступавших на нем ораторов, — показывает, что на этот раз милитаристам не удастся в полной мере добиться своего. Знаменательно, что Эдвард Стивенсон прислал участникам митинга приветственную телеграмму, в которой заключил им о своей поддержке.

В движении за мир сделан сегодня важный шаг вперед. Это была одна из тех многих битв, которые американскому народу необходимо провести и выиграть за время, остающееся до ноября.

Б УДЕТ ЛИ первый космонавт русским? — статья под таким заголовком видный американский журналист, редактор научного отдела газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Эрл Юбелл приветствовал запуск советского космического корабля. На поставленный им вопрос о том, дал ли положительный ответ Обсуждение известия о космическом корабле по-настоящему еще не начиналось. Тем не менее амери-

канцы потрясены громадными размерами корабля-спутника. Поднять в космос четыре с половиной тонны — это большое дело, и все ясно отдают себе отчет в огромной мощи советских ракет, которые оказались способными справиться с этой задачей. Специалисты, такие как Юбелл, отмечают также высокий уровень техники, требовавшийся для осуществления запуска этого корабля-спутника.

Среди высказываний о советском космическом корабле два заслуживают особого внимания, одно из них — в чисто космическом плане. Видный редакторский журналист Дэвид Лоуренс пытался поставить запуск нового советского корабля-спутника в один ряд с полетом «У-2», ибо в обоих случаях имело место «вторжение в воздушное пространство». Однако это сопоставление показало слишком смехотворным даже реакционерам, и больше об этом не упоминали.

Другой отклик представляет большой интерес. Я имею в виду открытое признание корреспондента «Нью-Йорк таймс» о том, что американское правительство «начало продемонстрировать ряд эффектов военных и научных достижений, которые должны были достигнуть наивысшей точки накануне совещания в Париже». К несчастью, указывает он, «все проекты, за исключением одного, провалились, а впечатление от единственного реального достижения — кругосветного плавания атомной подводной лодки «Грифон» было ослаблено из-за волнения, вызванного тем, что Советский Союз сбил самолет «У-2».

Корреспондент сообщает, что в течение недели, предшествовавшей предполагаемому совещанию в верхах, были предприняты попытки запустить три различных типа спутника. Все три попытки провалились, и это, замечает в заключение корреспондент, «сорвало планы США прийти к совещанию в верхах в ореоле психологической победы».

Надо сказать, что этот психологический провал простор ничто по сравнению с дипломатическим провалом Соединенных Штатов, имевшим место в Париже. Все последствия этого провала в настоящее время еще невозможно оценить, но можно не сомневаться, что в течение ближайших шести месяцев серьезные сдвиги произойдут в политической атмосфере в Соединенных Штатах. Глубоко взволнованный американский народ вступает на трудный путь самоанализа и трезвой оценки действий своего правительства в последние две недели. Нью-Йорк. 20 мая. (По телеграфу)

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ГРАНИ ВОЙНЫ
Фотомонтаж А. Житомирского

ВОЗДУШНАЯ БОЛЕЗНЬ

ПРОЛЕТЕЛ самолет. И испортил все. И мне кажется, что торнадо-ванна сама весна.

С этим я сталкиваюсь уже давно. Мне никак не удается хороший прием телепередач. Я живу далеко от телецентра, на самой границе его «дальности». Добрався к моему дому, расположенному в поросли лесом холм, мешающий распространению волн. Но самые сильные помехи бывают тогда, когда пролетают самолеты. Стоит появиться машине над домом, как тут же искажается изображение на экране телевизора (звук становится прерывистым, лица чудовищно вытягиваются или расплываются...). И лишь после того, как самолет покидает мое небо, все приходит в норму.

Какими светлыми надеждами были полны сердца всех французов в дни пред совещания в верхах! Но когда я узнал о переломной истории с самолетом-шпионом, я почувствовал, как расплывается надежда на экране моего воображения. Слово в тихую, прозрачную воду бросили грязный камень.

Люди были поражены. С детства им внушали, что дипломаты, как и шпионаж, — это прежде всего вещи секретного порядка. Они смирились с тем, что совещания глав правительств, встречи, на которых решается судьба народов, имеют, подобно Луле, две стороны. Одна из них — это официальные коммюнике, лишенные

Жан-Пьер ШАВРОЛЬ

существенного значения и публикуемые для всех, другая же — единственно важная — это тайные переговоры. И вдруг, совершенно неожиданно им сказали все, их «ввели в курс» их собственной судьбы, их самих достойных узнать все о переговорах, определяющих судьбу человечества. Нашелся человек, осмелившийся сказать все, сорвать маску с «обратной стороны» международных совещаний, — тот же человек, который показал им неспину сторону Луле... И люди не верят своим глазам, своим ушам... Значит, отныне, благодаря этому человеку, им уже не будут наносить удары из-за угла, что всегда бывало в прошлом!

Жорж Бортоли, репортер французского телевидения, заявил нам в понедельник вечером: самое удивительное в этом совещании — это то, что журналистам, а через них и всей общественности, было сказано все. Их информировали, так сказать, при ярком свете дня. Бортоли добавил: «Французские дипломаты не жалуются на то, что, чтобы вести переговоры в обычное русло секретности...» В этот момент лицо Жоржа Бортоли мне впервые казалось не как искажающееся, его искривленный рот словно разоблачал подлинное, тайное и уродливое лицо дипломатии этого рода. Над моей крышей, над телевизионной антенной пролетал самолет. То была обычная почтовая машина, ежедневно пролетающая в один и тот же час над моим жильем. Вот почему всякий раз, когда я принимаю последние известия, передаваемые французским телевидением, я вижу сплоские граммысы.

Палаша Буйе, мой сосед из деревни Вердело (департамент Сены и Марны), сказала мне: «Очень трудно договориться, но скажу, что она не сделала петуха, когда летушиный хвост еще торчит из ее пасти...»

Крестьяне не умеют беседовать о политике, даже о самой что ни на есть международной и высокой, без того, чтобы не рассказывать о своей жизни. Вот, к примеру, один из таких рассказов:

«Надо было мне купить у Виктора жейку, но тыгач, который им мне продал, вышел из строя — одна из частей сломалась. Я сказал ему об этом. А он говорит мне, что, дескать, я сам ее сломал. Тогда я пошел механика. Посмотрел он на деталь и показывает равнину в месте излома. Говорит Виктору, что поломка случилась еще несколько месяцев назад. Виктор покраснел и давай оспаривать, что это, конечно, правда, но что он сам ничего не знал, что сломал эту штуку его сын Жюль Робер, и испугался и ничего не сказал. Иду я к Роберу. Спрашиваю, как было дело. А он мне и говорит, что деталь сломал его отец в такой-то день, таким-то манером и что он это отчасти помнит, да и отец не забыл. Просто, мол, легче свалить веш на сына, с которого спрос невелик. Пошел я обратно к Виктору, да и тыгач его носом... В конце концов он признался, потому что тут ему деваться некуда. Очень мне было неприятно оказаться ввер в таком положении. Стар мне его жалко. «Ладно», — говорю, — Виктор! Забудем об этом. Призани свою ошибку перед сыном и перед всеми, а потом пообещай, что больше не станешь меня обманывать. Тогда я тебе поверю и куплю эту самую жейку». Не знаю, какая муха укусила Виктора, только он весь бледнел и страшно распухнул. Закричал, что дела — это дела и что выигрывает тот, кто лгнет, что мне надо было по-лучше разглядеть тыгач, тогда я бы увидел поломку; но уж коль скоро я купил его и ничего не заметил, значит, тем хуже для меня и что он и впрямь будет вести себя так же и обманет меня при первом же удобном случае и т. д. Я ему ответил: «Раз такое дело, Виктор, я не возьму у тебя жейку. Мало того, что ты лгал, обманывал меня, тыгач ты еще заявляешь, что не только не исправился, а, напротив, будешь и дальше жульничать...» Ушел я от него. А ведь в общем в накладе останется

он, а не я. Во-первых, не он один продал жейку, а кроме того, ему недолго осталось торговать ими. Завод как возмущен его проделками, что скоро лишит его права продажи сельскохозяйственных машин и передаст это право другому, несомненно, более честному и искреннему человеку. Думаю, он покажет жейку его премнику. А Виктор с тех пор лишился всякого уважения, и другие крестьяне тоже не хотят иметь с ним дело. Мне раз сказали, что честь — это как спица, сжег, и нет ее... Кстати, этот генерал Эйзенхауэр еще долго будет президентом Соединенных Штатов».

Рабочие и крестьяне, которых я встречал в последние дни, разочарованы провалом совещания в верхах. Так долго и с такой надеждой ждали они его! Они не верят утверждениям буржуазной пропаганды, будто встреча торредривана Советским Союзом, который столько лет подражал ей ее проведения. Французы хорошо помнят, как изворачивались руководители Запада, прежде чем решились на совещания на высшем уровне. Они помнят, как часто правители США твердили, что это совещание будет «бесплодным мероприятием»...

Недавно я беседовал с Ршаром. Этот молодой металлург с предельным алкогольным выражением лица, который, как мне кажется, верно передает настроение французского Ршара сказал: «Что до нас — мы не любим фальшивой монеты...»

Его приятель Макс говорит, что ее самое, но на свой лад: трудно, мол, договориться с парнем, который протягивает вам руку, а сам тем временем подсылает своего дружка, чтобы тот дал вам ленок сверху в зад; при этом он и не думает извиниться и намерен наступать так же и впрямь...

Из всех разговоров на эту тему, которые я вел со знакомыми, обычно именуемыми «простыми людьми», я пришел к следующему выводу: выход советской дипломатии на широкую, обзорную для всех арену, ее отказ от секретных методов боевых времен сразу же сообщил международной политике подлинное человеческие масштабы. И действительно, насколько легче стало рабочим и крестьянам судить о своей собственной судьбе после того, как «г-н К.» «сказал все».

Возможно, это лишь частное наблюдение, но оно имеет свое значение. Самые главные вопросы вопроса великомерно освещены в советской печати и уже известны вам. Что же касается до этих строк, то я буду считать их полезными в случае, если они послужат вам одно: наш добрый французский народ, который никогда не любил «фальшивую монету», как бы возмужал, превратившись в подмастерья в умудренного опытным труженика, которому дали возможность самому судить обо всем на основании фактов. Наконец-то, с французами общаются, как со взрослыми людьми! Это сделало глава правительства великой социалистической державы.

Оптимизм, затем признания и поудирания, раскаяние и угрозы президента Эйзенхауэра — все это произошло на нас крайне неприятное впечатление. Еще неприятнее было нам влияние французского правительства, стремившегося поддаться под чужой шаг. Очень усердствовали продажные перья...

Я отвлекся на несколько минут от писания этой статьи, чтобы «посмотреть» последние известия по телевизору. На экране снова возник Жорж Бортоли. Он «разъяснял» нам, что не американский президент Эйзенхауэр, а «г-н К.» «убил» совещание в верхах. Физномия репортера французского телевидения искажалась на экране во всех направлениях, его рот искривлялся в страшную гримасу, словно на ярлыке туре, бьющейся ложь во всем ее уродстве. Поскольку шла передача дневного выпуска последних известий, я вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на самолет. Но нет! Уродство комментатора на этот раз было естественным — в небе над моим домом не было никакого самолета...

ПАРИЖ. 20 мая. (По телеграфу).

Новости литературы и искусства

ЕСТЬ в этой повести одна спорная, а на иной взгляд, и просто странная история. Юную девушку-строительницу обманул пошляк и проходил по суду. На первом же комсомольском собрании Зина Пеночкина потребовала слова и рассказала прерывающимся от волнения голосом все, что с ней случилось. Ребята слушали, растерянные, подавленные ее горестной и отчаянной открытостью: «Нет, я не согласна!» — упрямо настаивала она на своем, когда товарищи хотят «замять» всю эту историю, требуют серьезного и справедливого суда над собой: «Вы думаете, мне так легко было сказать? Знаете, я как перед этим мучилась...» Что за нелепое самозастыжение? Зачем, во имя чего?

— Простите, но ваша фамилия — Балуев? — Именно, — сказал Павел Гаврилович. — Очень знаменательная сцена!

«Знакомьтесь, Балуев», — предлагает автор, но читатель довольно скоро убеждается в определенной парадоксальности заголовка повести. Чтобы узнать Балуева, надо прежде узнать Зайцева, и Пеночину, и Боснонову, который в девятнадцать лет, сжигая глаза на сварочных работах, сознательно погубил себя в слепых, и потопочница «графы Шпановского», чья «неурядовина» была постоянной музой и многих других, оставшихся на ступе своего характера в облике Балуева. В живых образах, средствами художника Кожевникова раскрыты те особенности нашего творческого труда, которая способствует взаимопониманию, обогащению личности характеров, их прочной за-

рою только и способен что вызвать острое сожаление: развернуться бы такому в деле! И как может писатель быть столь незначительным к своему богатству! Ведь именно из-за недостаточности художественных мотивировок «повисает в воздухе», кажется недостоверной острая и столь важная для повести история Изольды Безугловой — дочери немецкого охотника...

Уже сдвинувшись на милое манере автора, в целом принимаешь ее, ты не перестаешь про себя сопереживать тем или иным ее частностям. Вот герой на волоске от смерти. Со страшной восторженной прибрежкой к Балуеву: «Люди гибнут!» Напряжение истощительное: что дальше? Но писателю хочется, прежде чем вернуть нас к месту трагедии, поговорить о генезисе несчастных случаев на производстве: предлагается целая страница соображений на сей счет. В чем «соль» этого литературного приема, своеобразного «торжества», к которому Кожевников прибегает довольно часто?

Как правило, раздумья о жизни, всякого рода отвлеченные вступления и повести о любви и любви, сшибают в голове Балуева, голову Балуева (история осуществления этого замысла и легла в сюжетную основу повести). Но решиться на дерзкий эксперимент Балуева все-таки заставил строгий — так же, как перед тем Балуев заставил строителя поверить в реальность нового проекта. Наступает решающий час, и Балуев провальные своеобразный смотр людям, от которых зависит успех операции. Узнал ли накануне Лунянин, что его любимая девушка ответила согласием другому? Если так, то Лунянин сегодня доверит машину заводу. А как тут будет себя капризный старик Вавилов? А Мехов? Это сейчас беспокоит Балуева больше всего.

ДЕРЗАНИЕ

«ЗНАКОМЬТЕСЬ, БАЛУЕВ»

внимости друг от друга. Замысел протаганить газопровод по линии, через гиблое болото, первому пришел в голову Балуеву (история осуществления этого замысла и легла в сюжетную основу повести). Но решиться на дерзкий эксперимент Балуева все-таки заставил строгий — так же, как перед тем Балуев заставил строителя поверить в реальность нового проекта. Наступает решающий час, и Балуев провальные своеобразный смотр людям, от которых зависит успех операции. Узнал ли накануне Лунянин, что его любимая девушка ответила согласием другому? Если так, то Лунянин сегодня доверит машину заводу. А как тут будет себя капризный старик Вавилов? А Мехов? Это сейчас беспокоит Балуева больше всего.

Чтобы вести людей на подвиг, ныне необходимо уметь руководить ими «один на один, с глазу на глаз», знать особенности характера каждого, подробности жизни, все, «из чего человек человеком делается». То же должно знать и литератор, пишущий о человеке в труде. Тут — в который раз! — убежденность самого автора идеально совпадает с убежденностью его героя.

ПОТОК пугавший значае, постепенно увлекает, особенно, когда ты начинаешь понимать, какие любопытные характеры вырисовываются вперед, какие встают серьезные проблемы. Правда, замечает ты: самое существенное и волнующее рождается все-таки там, где писатель обращается к привычному оружию, давно проверенному старей, доброй художественности. Немало душевных черточек отметил автор в Балуеве. Но просто «отмеченное» как-то скользнуло мимо внимания, а то, что произошло в действии, в конфликте, врезалось в память надолго. Не что подобное происходит и с героями. У одного примечательны и биография, и характеристика (Петухов, Вильям, Пивоваров). Но упомянутый мимоходом, ге-

Как правило, раздумья о жизни, всякого рода отвлеченные вступления и повести о любви и любви, сшибают в голове Балуева, голову Балуева (история осуществления этого замысла и легла в сюжетную основу повести). Но решиться на дерзкий эксперимент Балуева все-таки заставил строгий — так же, как перед тем Балуев заставил строителя поверить в реальность нового проекта. Наступает решающий час, и Балуев провальные своеобразный смотр людям, от которых зависит успех операции. Узнал ли накануне Лунянин, что его любимая девушка ответила согласием другому? Если так, то Лунянин сегодня доверит машину заводу. А как тут будет себя капризный старик Вавилов? А Мехов? Это сейчас беспокоит Балуева больше всего.

Рассказывая о строителях газопровода, о коллективе людей (это необходимо подчеркнуть), где сошлись высококачественные мастера, цвет рабочего класса, автор к тому же поставил предельно высветить, заострить в своих героях все прекрасное и редкое. Он нарисовал мир людей, уже сегодня живущих по законам коммунистической морали. И в этом главная особенность повести Кожевникова.

Мы ясно понимаем, что нарисованное Кожевниковым имеет сегодня пока избирательный характер: не всякий еще смотрит на жизнь, как Виктор Зайцев или Владимир Боснонов, не все наши трудовые коллективы достигли той вершины нравственности, гражданской сознательности, как балуевские строители. И тем не менее у Кожевникова это действительность — «действительность будущего», о которой говорит Горький, требующая от художника «среднего умения смотреть на настоящее из будущего». Постин — любовь здесь — в судьбах, человеческих образах, свершениях, наконец, в ткани произведения. Потому оно и реалистично, и по-настоящему действительно. Повесть позволяет читателю отчетливо ощутить в этом мире себя самого, воспринимать чувства героев, как свои собственные.

Второе хорошо знает своих героев-строителей и хорошо рассказывает о них. Их истории полны тех жизненных подробностей, которые особенно дороги читателю. Но интересней характеры людей и современности. Не записать же историю Кожевникова в конюшенном счете удавалось нарисовать собирательный портрет коллектива, подметить, словно в одном живом человеке, его склонности, нрав, симпатии и антипатии, устремления — запечатлеть в нем самое время. Зная характер этого коллектива, мы можем теперь объективно понять и мотивы болезненной честности Пеночкиной, и благородный аскетизм Дуся Балуевой, и испуленность Зайцева.

Высоко несет он, этот главный герой повести — рабочий коллектив, свое трудовое достоинство. Знает он и цену, и красоту своего труда. Недаром писатель так часто обращается к искусству, эстетике, сравнению труд сварщика с изысканным искусством древних восточных каллиграфов, — ведь «наслаждение мастерством труда так же доступно каждому, как и наслаждение искусством». Сильно и властно управляет рабочий человек жизнью, в которой он — подлинный хозяин. Ему здесь до всего дело. До того, какним должен быть современный руководитель, как надо изображать героев в живописи, и даже — к лицу ли рабочему парню шляпа и дожить ли до коммунизма ревность...

И еще одна характерная черта нового произведения Кожевникова. Оно по-хорошему философично, раздумчиво. Особенно богатыми по смыслу даются события повести для размышлений о природе труда в социалистическом обществе: труд, как творчество, как насыщенный смысл всей жизни, как большое людское счастье. С ним связаны наиболее сильные переживания, наиболее разительные превращения.

Читателю повесть (она опубликована в четвертой и пятой книжках «Знамени»), должно быть, запомнился драматический рассказ о подвиге Виктора Зайцева. В крови, истерзанный, задыхающийся, он ползет сквозь торо бесконечной обсадной трубы, ругается — чтобы не думать о смерти — с самим собой. Тут и подвиг, и вместе с тем почти обычная рабочая операция: на работе, как на работе. Но как раз этот трудовой эпизод и стал толчком для решения самого большого конфликта в жизни Виктора, его жестокой ссоры с отцом. И то, что гордая девушка Изольда Безуглова шагает теперь вслед за Зайцевым, «чуть позади, стараясь своей темнотой коснуться Виктора», — такое тоже для юности что-нибудь да значит! А еще пройдет время, и случай этот отзовется в другой судьбе. Прежде чем послушаться Балуева, подвергнуть себя мучительной операции, Ольга Терехова признается: «Хотела смотреть на обсадную трубу, сквозь которую прополз этот Зайцев».

В литературе идет постоянный поиск новых, современных форм прозы, которые соответствовали бы

спешивший, привычный, что его железный брат Поработал днем отличню. Перевел В. ВАЧЕСЛАВОВ

И еще одна характерная черта нового произведения Кожевникова. Оно по-хорошему философично, раздумчиво. Особенно богатыми по смыслу даются события повести для размышлений о природе труда в социалистическом обществе: труд, как творчество, как насыщенный смысл всей жизни, как большое людское счастье. С ним связаны наиболее сильные переживания, наиболее разительные превращения.

ОБЛИЧИЕ проблем, философские искания, поддерживаемые публицистическим пафосом, скрупулезное внимание к деталям при масштабности общей задачи — все это, естественно, не могло не сказаться на стиле и форме повести. Написанная в необычной манере, она, надо думать, еще немало «попортит крови» нашим критикам, вокруг книги еще спорить не раз!

В связи с 80-летием выдающегося румынского писателя, академика Тудора Аргези Государственное издательство художественной литературы выпускает в свет сборник его избранных стихотворений. В этой прекрасно оформленной книжке собраны произведения Тудора Аргези разных лет. Мы публикуем несколько стихотворений румынского поэта: «Написан на ноге» (1936 г.) и «Серп» (1957 г.).

В список разворотов приходится ввести также и произведения, представленные Францией. Фильм «Рейтинговая Америка» Франца Рейнбаха, несмотря на ряд казусов, волею судьбы своим гуманизмом, в целом сделав очень верностью и не вызывает больших эмоций. В картине «Модерато кантабиле» выявилось яркое дарование актрисы Ганны Моро, но с кинематографической точки зрения ата сента представляется неудачей.

Ольга Терехова признается: «Хотела смотреть на обсадную трубу, сквозь которую прополз этот Зайцев».

Ольга Терехова признается: «Хотела смотреть на обсадную трубу, сквозь которую прополз этот Зайцев».

Ольга Терехова признается: «Хотела смотреть на обсадную трубу, сквозь которую прополз этот Зайцев».

Ольга Терехова признается: «Хотела смотреть на обсадную трубу, сквозь которую прополз этот Зайцев».

НЕИССЯКАЕМЫЙ РОДНИК

Б. ПОЛЕВОЙ

БЫВАЮТ в борах такие родники. Бьет он меж корней какой-нибудь старой сосны, растекается небольшим водным зеркальцем, а потом бежит себе дальше веселым, журчащим ручейком. Наклонившись над ним — вода прозрачная, видна на дне каждая песчинка, и прохладна она даже в самый знойный час. Возьмешь ее в пригоршню — плаывает в ней хвоника или кусочек коры. И все-таки она чиста и так вкусна, что трудно от нее оторваться — хочется пить и пить.

Многие о таком лесном роднике приходит в голову, когда смотришь большую, богатую, разнообразную программу самодеятельных артистов Пензенской области, приехавших недавно показывать свое искусство в столичный зрительный зал. Кажется, бьет на сцене Кремлевского театра неиссякаемо, в течение целого вечера такой веселый, живописный родник. Певцов самодеятельного академического хора сменяют женский квартет, мужские дуэты. Полнокровно, на редкость красиво, как бы заполняя мощными звуками все уголки большого зала, звучит народный самодеятельный хор. Вырывается огневая русская пляска. Поют солисты, выступают виртуозы-балалаечники...

Проходит час, два, и ты, московский зритель, имеющий возможность наслаждаться искусством лучших певцов, музыкантов, танцовщиков мира, сидишь в зале заворожанный, растроганный, покоренный всем тем, что видишь и слышишь. Новыми для тебя разнообразными мелодиями, песнями, танцами — яркими, сердечными, жеманно-острыми, сидишь и ждешь, когда из этого источника самобытного творчества, Пешь и не можешь от него оторваться.

Даже если мереть мастерство участников концерта самой строгой меркой, и тогда все то, что мы увидели на сцене Кремлевского театра, — настоящее, большое искусство. Хоры и многие из солистов и по полноте звучания, и по мастерству исполнения могут смело соревноваться с хорошими профессиональными. Однако среди тех, кто в этот вечер покорила сердца приходящих в делах искусства, много видных московских, много видных профессиональных артистов. Ни о ком из них не выходящее похвалой слово единичное оценивают Канский фестиваль 1960 года как важную веху. Из приятнейших трех десятков продемонстрированных постановочных картин не менее десяти следует признать произведениями высокого класса, достойными премий.

Городок наш Пенза не столичный, весьма обычный. Издревле славился лямками пензяки... И в песне, в остроумном каскаде куплетов рассказывается, как этот, некогда в царской России дремлотный, лапотный край вырос в край точного машиностроения, край индустриальных институтов, край смело экспериментаторства в сельском хозяйстве. И в край песни, добавим мы. В край боевой, веселой, задорной народной песни, живо откликающейся на все то новое, что несет в себе каждый день нашей страны, в край песни, которая, постоянно возникая в душе народа, помогает ему «строить и жить»...

Даже если мереть мастерство участников концерта самой строгой меркой, и тогда все то, что мы увидели на сцене Кремлевского театра, — настоящее, большое искусство. Хоры и многие из солистов и по полноте звучания, и по мастерству исполнения могут смело соревноваться с хорошими профессиональными. Однако среди тех, кто в этот вечер покорила сердца приходящих в делах искусства, много видных московских, много видных профессиональных артистов. Ни о ком из них не выходящее похвалой слово единичное оценивают Канский фестиваль 1960 года как важную веху. Из приятнейших трех десятков продемонстрированных постановочных картин не менее десяти следует признать произведениями высокого класса, достойными премий.

В списке разворотов приходится ввести также и произведения, представленные Францией. Фильм «Рейтинговая Америка» Франца Рейнбаха, несмотря на ряд казусов, волею судьбы своим гуманизмом, в целом сделав очень верностью и не вызывает больших эмоций. В картине «Модерато кантабиле» выявилось яркое дарование актрисы Ганны Моро, но с кинематографической точки зрения ата сента представляется неудачей.

Городок наш Пенза не столичный, весьма обычный. Издревле славился лямками пензяки... И в песне, в остроумном каскаде куплетов рассказывается, как этот, некогда в царской России дремлотный, лапотный край вырос в край точного машиностроения, край индустриальных институтов, край смело экспериментаторства в сельском хозяйстве. И в край песни, добавим мы. В край боевой, веселой, задорной народной песни, живо откликающейся на все то новое, что несет в себе каждый день нашей страны, в край песни, которая, постоянно возникая в душе народа, помогает ему «строить и жить»...

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

КИНОФЕСТИВАЛЬ В КАННЕ

Канне проводится ежегодно, и многим кажется, что столь частое повторение этого кинематографического турнира может нанести ему серьезный ущерб. Подобные мнения высказывались и при открытии последнего, XIII фестиваля.

И все же сегодня продюсеры, режиссеры и киноритики, привычные к этому фестивалю, встречаясь в начале мая на Лазурном берегу, с похвалой оценивают итоги Каннского фестиваля 1960 года как важную веху. Из приятнейших трех десятков продемонстрированных постановочных картин не менее десяти следует признать произведениями высокого класса, достойными премий.

Одна из лучших на фестивале. Направленная против расизма, картина полна большой человеческой значительности и волнует зрителя.

Второе хорошо знает своих героев-строителей и хорошо рассказывает о них. Их истории полны тех жизненных подробностей, которые особенно дороги читателю. Но интересней характеры людей и современности. Не записать же историю Кожевникова в конюшенном счете удавалось нарисовать собирательный портрет коллектива, подметить, словно в одном живом человеке, его склонности, нрав, симпатии и антипатии, устремления — запечатлеть в нем самое время. Зная характер этого коллектива, мы можем теперь объективно понять и мотивы болезненной честности Пеночкиной, и благородный аскетизм Дуся Балуевой, и испуленность Зайцева.

В список разворотов приходится ввести также и произведения, представленные Францией. Фильм «Рейтинговая Америка» Франца Рейнбаха, несмотря на ряд казусов, волею судьбы своим гуманизмом, в целом сделав очень верностью и не вызывает больших эмоций. В картине «Модерато кантабиле» выявилось яркое дарование актрисы Ганны Моро, но с кинематографической точки зрения ата сента представляется неудачей.

Одна из лучших на фестивале. Направленная против расизма, картина полна большой человеческой значительности и волнует зрителя.

Второе хорошо знает своих героев-строителей и хорошо рассказывает о них. Их истории полны тех жизненных подробностей, которые особенно дороги читателю. Но интересней характеры людей и современности. Не записать же историю Кожевникова в конюшенном счете удавалось нарисовать собирательный портрет коллектива, подметить, словно в одном живом человеке, его склонности, нрав, симпатии и антипатии, устремления — запечатлеть в нем самое время. Зная характер этого коллектива, мы можем теперь объективно понять и мотивы болезненной честности Пеночкиной, и благородный аскетизм Дуся Балуевой, и испуленность Зайцева.

В список разворотов приходится ввести также и произведения, представленные Францией. Фильм «Рейтинговая Америка» Франца Рейнбаха, несмотря на ряд казусов, волею судьбы своим гуманизмом, в целом сделав очень верностью и не вызывает больших эмоций. В картине «Модерато кантабиле» выявилось яркое дарование актрисы Ганны Моро, но с кинематографической точки зрения ата сента представляется неудачей.

Одна из лучших на фестивале. Направленная против расизма, картина полна большой человеческой значительности и волнует зрителя.

ПОИСК ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

ПОЭТ ПЕНЗЕНСКИЙ ХОР

ИТОГИ КАНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

80-ЛЕТИЕ СТАРЕЙШЕГО РУМЫНСКОГО ПОЭТА

«Старая голубятня» в Москве

Б. СЛУЦКИЙ: Как я переводил стихи Межелайтиса

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ» Шаржи И. Игния и М. Светлова

Отрывок из повести Ильи Кручинки

Очарование мелодии первого и благодатная эстетика второго, несомненно, ошеломили членов жюри.

Надпись на ноже

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

ПЕР ЖЮЭН (По телефону)

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

НА ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНГРАДСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

«ЧЕЛОВЕК»

СЕИЧАС я работаю над переводом новой книги стихов Межелайтиса.

Подстрочник (если он хороший) имеет, как это ни странно, свои частные прелестьи. Читаясь, его и хочется тыкать — не два и не три раза, а двадцать и тридцать раз. Вслушиваясь в звучание стиха на незнакомом или полунзнакомом языке. Добиваясь у автора расшифровки тончайших оттенков. Листва книги о стране, в которой родились стихи, порой едет туда, смотришь ее своими глазами. Переводы с подстрочника иногда становятся крупным культурным фактом именно потому, что, помимо таланта, здесь требуется очень много труда, добросовестности, знания воссоздаваемой поэзии.

Вот такими примерно соображениями утешаешь себя, пробываясь, иногда просачиваясь сквозь текст Межелайтиса — талантливый, трудный для перевода. Книга называется «Человек».

Стихи, ее составляющие, — «Глаза», «Сердце», «Руки», «Губы». В книге есть стихи, которые можно назвать «Поэзия» и «Музыка», но и поэзия, и музыка взяты с такой личной, кровной заинтересованностью, что становится ясно: они так же входят в состав «Человека», как и «Глаза», «Губы».

В мировой лирике есть две мощные и враждебные друг другу традиции разрешения этой темы. Одна из них, опирающаяся на философско-социологический, вырывает биологическое человека из социальных связей. Глаза — но смотрящие только в себя, губы, шепчущие только о себе, сердце, бьющееся только для себя, — себелюбивое сердце самопоклонника и эгоиста.

Другая традиция — когда «я» выступает от имени «мы», от имени Миллиона, когда человек выступает за все человечество.

Книга Эдуардаса Межелайтиса — достойное продолжение этой линии.

Читая ее, хочется вспомнить два имени — автора «Песни о себе» и автора «Облака в штанах» и, опять же, «Человека». Совсем недавно в Литве были переведены и опубликованы «Листья травы» Уолта Уитмена. Что касается Маяковского, то его много переводил сам Межелайтис. У «Человека» есть свои литературные предки и родственники, но, как мы видим, это — достойные, благородные имена.

Мне кажется, что самая важная черта новых стихов Межелайтиса — их всечеловечность, всемирность, «вселенность». Это не случайно.

Поэт вырос в маленьком захолустном государстве. Пафос идеологии был кулачком правителей Литвы был пафосом провинциализма, захолустности, самоотгораживания от всего мира. Комсомольское подполье, о котором писались первые стихи Межелайтиса, жаждало свалить порочные столбы от нового мира и вывести Литву на всечеловеческий простор.

Социалистическое разделение труда сочетается с социалистическим единством мыслей и чувств.

И сегодня литовский советский поэт выступает от имени всего социалистического миллиарда. Человечество участвует во всех его делах, отвечает за все его победы и поражения. Неудом он пишет в стихотворении «Рекорд»:

Нет в мире лугов, где бы я не косил,
Морских берегов, где б юбки не носил.
Завода, где б я не сверлил и не резал

Борис СЛУЦКИЙ

Илья КРУПНИК

Молодой писатель Илья Крупник работал в геологической партии в Якутии, плавал матросом на рыболовном траулере на Сахале, гидрологом — на экспедиционном судне, в журналах «Юность» и «Искра» были опубликованы его первые рассказы.

Недавно И. Крупник закончил повесть «Смелый заряд» о команде рыболовного траулера, потерпевшего аварию зимой, во время шторма; в простых советских людях, проявивших в трагической ситуации истинно подлинное мужество и человечность.

Отрывок из повести «Смелый заряд» мы публикуем сегодня.

ТЕПЕРЬ он стоял сзади всех, лицом к берегу, прижимаясь спиной к дымовой трубе. Труба была давно холодной, и в нее уже запискивала вода.

Паша чувствовал, как по шее за тельник все время сползает капля. Они ползли очень медленно между лопаток к самому поясу, и Паша Гусев то раскрывал, то закрывал рот.

В двадцати метрах от мостика вверх, в белое небо, уходили скалы, равные от лещиной, косо заделанные снегом. Давно рассвело.

Было опять очень холодно, хотя ветер стих; Паша знал, что надо завязать ушанку, но пальцы были совсем не свои...

От полуоблака остались одни стойки лееров, Паша хорошо их видел — они то всплывали, то снова уходили в пену. А крен был на левый борт, где скалы, и Паша стал медленно отступать за трубу.

Правый борт был еще над водой, и Паша глянул вниз. Висели бешеные цепи. Они не качались — все было по льду. На круглых бочинцах замерла траповая сеть, и теперь под цепями это были совсем не бочинцы, а клетчатые ледяные шары; акулу, у которой вырезал челюсть, смлыло... Паша стоял уже за трубой.

Он всегда боялся акулы в трале: она темнела в кутле над палубой, длинная, как человек... Это было в середине, нет, в самом конце траля, когда стукнула шестнадцатая; из кутла траля выпрыгнула рыба, и вместе с рыбой ногами вперед из траля выпрыгнул мертвый лещик. Никто не понял: наш или немец. Он застрял по колена в скользкой треске. Лицо у лещика было черное...

Паша оперся рукой о трубу, труба была тоже черной. Он отдернул руку.

Надо плыть на камень... — Степан Мирончик стоял у поручней мостика, с левого борта, смотрел в воду.

Все, перегнувшись, глядели за борт. И Паша обнял трубу. Он был теперь высоко-высоко над всеми, над Степаном Мирончиком — капитаном, видел за скалами сопки, к ним уходили тучи...

Паша посмотрел на воду. В пятнадцати метрах торчал обломок скалы; его заливало чистой пеной, и брызги были, как снег. Первому

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

ПРИЕХАВШИЙ в Москву на гастроли парижский театр «Все колоombe» («Театр старой габуэиты») показал свой первый спектакль — пьесу Жана Жироду «Троянская война не будет». Автор многих романов и пьес, Жироду (1882—1944) мало известен за пределами Франции, что объясняется, по-видимому, чрезмерной интеллектуальной изолированностью писателя. Поставленная впервые в 1935 году пьеса «Троянская война не будет» — безусловно лучшее произведение Жироду, самое значительное, а в свете последовавших событий — начавшейся вскоре войны — во многом оказавшееся и пророческим. Несомненно, несерьезная интонация пьесы не должна вводить в заблуждение, ее можно объяснить разными причинами, и, между прочим, тем, что Жироду несколько не принадлежало грустное ремесло пролога: героиню его пьесы, предсказательницу Кассандру, никто не слушает, угодиться ей автор явно не желает. Вместе с тем Жироду высказался в пьесе определенно и недвусмысленно. Тема пьесы — угроза войны. И Жироду решительно выступает в пьесе не только против самой войны, но и против всего того, что ее подготавливает, и, в частности, против таких мирных переговоров, которые затеваются одной из сторон (военственными греками) лишь для того, чтобы развязать войну быстрее. Трагическая ирония пьесы приобрела особую злободневность сейчас, когда американские империалисты срывают совещание в верху; спектакль смотрится с повышенным интересом, но, несомненно, он мог бы быть и острее, и темпераментнее.

Театр играет Жироду так, как играют классиков во французских академических театрах — торжественно и беззаботно. Ценителям стилевого единства должны быть, по-видимому, несколько разочарованы показанным им зрелищем. Декорация к спектаклю (художник Люсьен Кутто) — неприукрашенная, легкая и в то же время динамичная, — это декорация наших дней. Мизансцены спектакля (режиссер Жан Пулен) — фронтальные и малоподвижные, — это мизансцены, известные с незапамятных времен. Нарядные и роскошные костюмы, в которые одеты почти все главные персонажи, кажутся взятыми из старинных театральные костюмов. Один же из персонажей, легендарный и легкомысленный Парис, разгуливает с голой грудью, в одеянии, подобном кулачному костюму. В самой манере игры и декламации чередуются классический жест и жест бытовой, ораторская интонация и обыденная скороговорка. Конечно, это сочетание классическим и бытовому стилю не вполне согласуется с утонченно-ироническим стилем Жироду. Но объясняется оно, по-видимому, не столько особыми эстетическими причинами, сколько тем обстоятельством, что перед нами типичный гастрольный спектакль, в котором заняты актеры рядовые и актеры искусные. Посочувствуем первым, а среди последних назовем Гамилу Ратиба, играющего хитроумного Улисса и нагадывая демократичного, что такое обилие ума и, более того, что такое сила ума. Что же касается Сюзан Флон, ведущей актрисы труппы и очень популярной во Франции, то первое знакомство с ней безусловно радует, но еще более обнадеживает, поскольку нам предстоит увидеть актрису в более капитальной ее роли, в роли Жанни д'Арк. Здесь же, в «Троянской войне», Флон играет Андромаху, играет мастерски, с большим артистическим благородством и с глубоким гражданским темпераментом.

ЖИРОДУ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

Листы сорвали совещание в верху; спектакль смотрится с повышенным интересом, но, несомненно, он мог бы быть и острее, и темпераментнее.

Подводя итоги, надо сказать откровенно, что спектакль все-таки не достигает до того уровня, который мы привыкли видеть в лучших спектаклях французских театров, гастрольовавших у нас прежде. Случайно ли это нам закономерно для театра «Все колоombe» — судить еще рано. Будем надеяться, что следующий спектакль — «Изабелла» Ануйя внесет в это необходимое ясность.

В. ГАЕВСКИЙ

Теперь справа были мокрый резиновый шланг и обломок доски, а совсем близко — скалы. Руки казались громадными, страшно тяжелыми, они очень болели.

Сбоку появились ноги ихтиолога Геннадия Петровича, его выбросило рядом, лицом к морю. Сверху, по ватнику, градом сыпало брызги, а в воде выли человек.

Геннадий Петрович приподнялся на локтях, и Паша глянул назад: трос оборвался, радиста несло вбок, на скалы.

— Коля!... — крикнул Турков.

— А-а-а!... — выли и кричал радист.

Геннадий Петрович с трудом поднялся на четвереньки и потянул к себе шланг.

— Что же это такое... что же это такое!... — хватаясь за воздух, он выпрыгнул на скользком камне, пытаясь бросить в воду шланг.

— А-а!... — крикнул Турков и вцепился в камень. Радиста ударило о скалу.

— Что же это такое!... — Геннадий Петрович стоял над всеми, чудом держась на камне, и сматывал на руку шланг, как трос, но он не умел это делать.

Паша снова глянул назад. Прямо из моря торчал мостик, на нем остались троє.

— Держите! — Геннадий Петрович поднял вверх шланг, но его ударило в живот волной, и он упал на Пашу. Паша схватил его и удержал на камне.

Волна уходила. По лицу Геннадия Петровича капала вода. Паша нащупал пальцами шланг. Геннадий Петрович смотрел на него. Все лежало. Паша сел. И, быстро сматывая шланг как надо, уже никак не понимая, он встал во весь рост, рязначулся и кинул конец на мостик...

Когда Костин выплыл на берег, было уже совсем светло и с моря опять несло снег.

Костин медленно отполз от воды по камням; между камнями поплавали пена и в ней шевелились крабы. Костина вывало.

Он долго лежал, уронив голову в камни, и заглядывал воздух. Потом вытер губы и нос о мокрый рукав.

Вперед подползали чьи-то ноги в носках, останавливаясь, снова подползали. На камне подползла вода — кто-то выкручивал кальсоны.

Теперь было ясно, что попали на «пятачок» — скалы здесь шли полукругом, справа и слева входили в море.

Костин поднял колени к животу и начал вставать. Брюки оказались твердыми, точно из жести, и все в мелких и больших складках. Рядом наделась кальсоны повар Любушкин, прыгая на одной ноге. — кальсоны его хрустели и были похожи на белые помятые тру-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТКРЫТ ПО СУББОТАМ МУЗЕЙ

**К СВЕДЕНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ!**

Медалю в творческих мастерских поэта Михаила Светлова и художника Иосифа Игнуса наши сотрудники обнародовали листы новой сатирической книги. Несколькими страницами из этой книги мы экспонируем сегодня на стендах нашего музея.

К. ПАУСТОВСКИЙ
(по картине Перова «Рыболовы»)

Он много лет творит неумоимо, он знает, в чем задача рыболова. Чтоб не лопнул тушко налина, а рыбной золотой свернуло слово.

С. МИХАЛКОВ
(по скульптурной группе «Самсон, разрывающий пасть льва»)

Всегда в нем жив неумротный дух, он, как Самсон, силен, как Аполлон, пренрасен... Проверить надо: может быть, сей слух — Одна из михалковских басен!

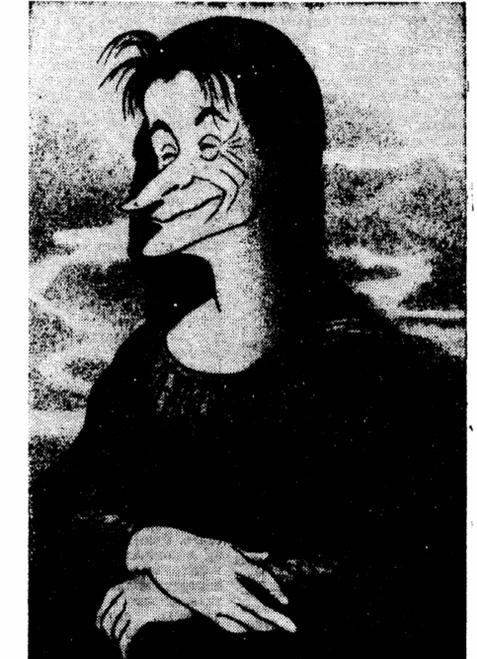
Друзьям — товарищам!

Мне бы молодость повторить. Я на дестинациях новых зданий, Как мальчишка, хочу скользнуть По перилам воспоминаний. Дружбы нашей поднимем чашку... Просто на дом, а не в музей Мы на скромные средства наши Пригласили своих друзей.

С. КИРСАНОВ
(по картине Флавиана «Классик Терпанова»)

Кирсанову хвала и честь: Он с критиканой спорит, Себя попробовал прочесть, — Ну и хлбул он горю!

И. ИГНИ — М. СВЕТЛОВУ
(по картине Леонардо да Винчи «Джоконда»)

М. СВЕТЛОВ — И. ИГНИ
Я, в искусство правду любя, Увиделся сегодня Васю. Как приятно, после тебя, Видеть Репина и Васнецова.

— У меня носки шерстяные, — заслынясь рукой от снега, невнятно пробормотал Геннадий Петрович и сунул сапоги Паламарчуку.

— Товарищи, — обращаясь, спросил он негромко, — у кого под ватником свитер?..

Паламарчук опустил на камни и стал нагибать сапоги. Геннадий Петрович посмотрел на Костина, и у Костина больно застучало в ушах — под кинтеком был дынный свитер, но пуговицы ведь все равно не расстегивались, потому что обледенели...

Тогда штурман сбросил с себя твердый ватник, потащил через голову свитер и отдал Васе. Вася, дрожа, натянул его на тельник, разглядывая складки.

— Погодите... — сказал Паша Гусев и, вложив пальцы в дыру на своем рукаве, дернул его книзу; ватник затрещал. Паша оторвал рукав.

— Это — на ноги, — пояснил он тихо, — Давайте рукава.

На втором не было дырки, и рукав не подавался. Паша Гусев, точно на палубе, машинально отогнул полу ватника — на поясе висели самодельные ножны — и вынул шероховатый нож.

— Держите, Геннадий Петрович... — Гусев резанул по шву и дернул рукав. — Надевайте. — Потом повернулся к Туркову.

Турков с трудом поднял глаза.

— Давай!... — сказал Паша Гусев, и Турков вытнул руку.

Гусев схватил его за локоть и стал пилить пальто по плечу. Оно было толстое и скрипело, и было похоже, будто пилили руку. Турков, вздрагивая, смотрел на нож.

— Есть, — сказал Гусев и, бросив на камни новенькие коричневые рукава, вытер лоб.

Турков был без шапки, и волосы у него стали совсем твердыми, блестящими. Гусев тронул его за полу пальто.

— Замерзнешь, — так же тихо сказал Гусев. — Будет тебе ватный шапка... — Он долготрезил коричневую полу, потом встал, обернулся к Костину, и Костин молча протянул ему рукава.

Когда все обвязали тельники, Геннадий Петрович, стараясь не спотыкаться, пошел к расклевке и посмотрел наверх. С моря на скалы хлопьями летел мокрый снег.

— Я полезу, — пробормотал Гусев и шагнул к скале. — Здесь не очень круто... Он ухватился за выступ и полез, нащупывая ногами трещины.

Все глядели снизу: Паша Гусев был самым храбрым и не наглотался воды... — Сюда, — сказал Гусев и подал Геннадию Петровичу руку.

— Вот к чему приводит политика репрессий!

Одно время мы издавали рукописный журнал «Ва барикады».

БЕССМЕРТНЕ — реальность. Подлинно бессмертна человеческая жизнь, если она без остатка отдана другим людям в борьбе за их счастье.

Вера Хоружая в Фордоне (Из воспоминаний)

Публикованные в ноябре 1959 года в «Правде» записки Веры Хоружей открыли миллионам жизнь пламенной революционерки и мужественного борца против нечеловеческого террора в годы Великой Отечественной войны.

В очерке, напечатанном в «Литературной газете», записки Веры Хоружей открыли миллионам жизнь пламенной революционерки и мужественного борца против нечеловеческого террора в годы Великой Отечественной войны.

Вот отрывки из этого впервые опубликованного письма, которое Вера Хоружая писала в те дни, когда готовилась перейти линию фронта, чтобы присоединиться к народным мстителям и разбить войско фашистских захватчиков.

ТОВАЩИ, чья я не метроне стены отделяют одну камеру от другой. В них всегда сумрачно, сыро и холодно.

И сразу — быстрым горячим шепотом: — Как политическая работа в массах после разгрома «Громады»? Как в профсоюз?

Отвечают. Лицо Веры озаряется радостью: — Как хорошо! Как чудесно! Скажи, кто такой Валентин Таварий? Поэт? Это верно, что дело на Западную Белоруссию в тюрьме сидит, стелит постель?

Вера интересуется жизнью партийных организаций, судьбы активистов подполья — все-все, до мельчайших подробностей. — Ты давно читала «Правду»? Что в ней было? А что появилось после «Цементная Гладкая»? Ну расскажи, расскажи мне содержание какого-нибудь советского фильма.

Чувствовалась, как все это для нее важно, как целиком поглощена она интересами дела, всем громадным потоком бурно несущейся жизни.

В 1931 году привезла в тюрьму крестьянку Сохачевского уезда Варшавского воеводства Юзефу Обурко. Все «преступление» Обурко состояло в том, что она в качестве посланца от крестьян своего округа ездил в составе рабоче-крестьянской делегации в Советский Союз. Кампания за посланку этой делегации проводила Коммунистическая партия Польши. Она получила широкую поддержку народа. Правительство польской Польши, однако, не выдало делегатам виз и запретило им поездку в СССР под угрозой ареста.

Юзефа Обурко приняла участие в Европейском антифашистском крестьянском конгрессе, происходившем в Берлине, а оттуда вместе с другими польскими делегатами выехала в СССР. На польскую крестьянку сильное впечатление произвела жизнь советского крестьянства без помещиков и кулаков. Молодые, только организовавшие колхозы, с тракторами и комбайнами жизнь раскрепощенных женщин и весь строй свободной советской жизни. Вернувшись домой, она на крестьянских сходках рассказывала об этом. Писанки от угроз перешли к делу: Юзефу Обурко, несмотря на то, что она была беременна, арестовали и осудили на четыре года Фордона.

На прогулке Вера не отходила от Юзефы, все рассказывала ей о Советском Союзе, а потом и другим передавала. — Социализм побеждает! Мечты осуществляются! — восторженно повторяла Вера.

Приближалась годовщина Октября. На прогулке в тюремном дворе мы по «цепочке» передаем, какой линии поведения надо держаться. Мы, конечно, знаем, что нас неминуемо ждет расправа. Но, не зная ни на что, готовим демонстрацию.

Утром 7 ноября все до единого прикрепим на груди красные ленточки. По условленному сигналу во всех камерах одновременно начнем читать «Интернационал». Тюремщики выйдут в камеры, пускают в ход приклады винтовок. Нам избивают, волокут в карцер. Мы не унимаемся и в карцерах. Начинается «рабани» — коллективный протест, сопровождаемый оглушительным стуком в покрытые железом двери. Страшный грохот разносится далеко за пределами тюрьмы.

Я слышу звонкий голос Веры: — Долой тюремный фашистский режим! Долой фашистскую диктатуру! На другом конце откликаются: — Долой политику подготовки войны! Поем революционные песни. Поем дружно, громко, и наше выступление звучит, как набат, как призыв.

Сквозь решетки видим, как возле тюрьмы собираются жители местечка Фордон. Найдутся же среди них люди, чье сердце кланится на наши лозунги, кто возмущается лютой расправой над политическими заключенными.

нашей солнечной юности: «Хорошо жить на свете!» И так же, как и тогда, чувствую крылья за плечами, ирреальные крылья. Далеко и уверенно можно на них летать. Да, да... И это несмотря на то, что я... никогда не увидю любимого мужа (он был смертельно ранен в начале войны), несмотря на то, что я оставляю двоих детей, и младшему из них, сыну Сергеевичу, всего полгода. Он родился уже без отца, и мы назвали его в память об отце тоже Сергеем.

...Как Марусь? Любимая подруга моя, дорогая! Теперь, когда на душе у меня какая-то особенная торжественная радость, я особенно часто вспоминаю ее.

Можно почувствовать, как много мыслей и чувств за этими обрывающимися строчками.

М. А. Давидовича передала мне для редакции написанные ею воспоминания об одном из наименее известных периодов жизни и революционной деятельности Веры Хоружей — о том времени, когда Вера, арестованная белогвардейскими властями, отбывала заключение в женской камерной тюрьме Фордон, Мария Давидович и те товарищи, которые находились среди политических узниц Фордона.

Нам кажется, что эти простые и безыскусные, написанные «воспоминания», согреты теплом настоящей дружбы, могут добавить новые штрихи и героическому образу славной дочери Ленинской партии.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Прощай судьи. Нас выпускают из карцера. Мы едва держимся на ногах. Голодные, избитые, но торжествующие. Хорошо отметили Октябрьскую годовщину!

Начальник тюрьмы от ярости не может справиться со своим голосом: — Каменным железом выгнать ваши демонстрации! Что вы мне наделали! Не только Фордон, — весь Быдгощ подняли на ноги! Вера не скрывает своего ликования: — Вот здорово! В Фордоне люди не спали и толпачили возле тюрьмы, разбудили закуластые от сна! Да еще Быдгощ на ноги подняли. Совсем неплохо!

И, повернувшись к тюремщикам, саркастически бросает:

ПРОСМАТРИВАЯ недавно в облпрофсовете материалы о соревновании бригад коммунистического труда, я обратил внимание на несколько строк в одном из отчетов. Уж очень неожиданным показалось мне то, что в них сообщалось:

...Как звание «коммунистического» коллектива шестой фенольной установки Новокуйбышевского нефтеперерабатывающего завода.

Я хорошо знаю этот гигант-завод, с его уходящими в задымленное небо крекингами, с серебряными куполами дистиллер и сложным переплетением нависающих над головой труб, в чреве которых гулят и стонут перекачивающиеся нефтяные фракции. В сложном этом индустриальном комбинате, насчитывающем десятки цехов и установок, шестая фенольная была всегда на виду. О ее людях вы узнавали, вступив только на территорию завода. Их фотографии вешали на все с заводской доски Почета. О них писали газеты.

Первому не только на заводе, а, пожалуй, во всем городе химиков Новокуйбышевске, коллективу этой установки было присвоено звание коммунистического.

И вдруг: почетное звание снято... Что же произошло на шестой фенольной?

И вот я в кабинете председателя завкома профсоюзом Николая Васильевича Демченко. Как ни удивительно, он долго не может вспомнить, в чем же провинился один из лучших на заводе коллективов.

— Постоять... Что же было? — спрашивает он. — А-а, была у них провинка. Была! Рабочий там один неправильно себя вел в быту. Потом, кажется, случай брава у них был? Точно, был! Вот за это мы и сняли с них звание.

Но самое курьезное выяснилось через час в цехе № 36, в который входит шестая фенольная. Оказывается, хотя минуло три с лишним месяца после решения завкома, ни начальник цеха В. Чибрикову, ни старшему инженеру Ю. Петрову, ни рабочим «шестой» не известно то, о чем уже доложено даже в Куйбышев, в облпрофсовет. Все по-прежнему считают ее установкой коммунистического труда.

Как же могло получиться такое? — Не об одних нас речь. — с горечью говорит старший оператор «шестой» Владимир Лютенко. — Они там в завкоме такое накрутили! Сегодня дают звание, завтра отбирают. Поинтересуйтесь — на нашем заводе уже не определишь: кто коммунистический, кто нет!

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, что-то непонятное творится на Новокуйбышевском заводе. Движение бригад коммунистического труда так молодо, необычно, в недрах его формируется человек нашего завтра. Процесс этот сложный, он требует внимания к людям, заботы о росте их духовной культуры. А руководители бригадами на заводе сведено к какой-то удручающей игре в цифри, которая заслоняла людей.

Попробуйте разобраться в такой ситуации. Если сложить итоги четырех кварталов за прошлый год, около 60 бригад из 19 коллективов установок числятся какое-то время коммунистическими. Они выписаны в строгий ряд, и каждый квартал завком выставляет им отметки: «да» или «нет» (в этом случае ставится черточка —

строжайшей тайне и хранила особенно тщательно. Душой этого журнала была Вера Хоружая. Она его редактировала и сама писала яркие публицистические статьи.

Я словно вижу сейчас страницы январского номера журнала 1931 года. Он открывался статьей Веры «Всегда с В. И. Лениным». На всех ее статьи произвели огромное впечатление. А мне вспомнился Минск, день 22 января 1924 года, собрание в партийном клубе имени Карла Маркса. На этом собрании Вера сказала: — Всем, что во мне есть сколько-нибудь истинно стоящее, я обязана партии.

Нам удавалось получать изданные на польском языке произведения В. И. Ленина — «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и другие. Ленинские книги влетали в оболочки других книг — изданий реакционных польских авторов и таким путем доставались в тюрьму. Все книги зачитывались до дыр. Рискуя многим, мы прятали их, чтобы тюремщики не обнаружил марксистской литературы во время частых обысков.

Иногда мы делали книги на части по главам. В виде тонких тетрадей их было легче спрятать в безопасном месте, в потом читать «контрейзером». Эти книги мы берем как самое дорогое.

...Мы таким свое выстраивание белое двора для просушки. Но в обычно отведенное для этого место нас сегодня не пускают. Конвоир открывает тяжелую железную калитку и пропускает нас на незнакомый двор, хотя и тоже огороженный тюремной стеной.

Неожиданно перед нами — небольшая лужайка, занятая солнами, покрайга густой травой, полевыми цветами. Мы ошеломлены. Все уже так давно не видели ничего подобного.

Вера была лучшая радость. Она припадает к земле, как бы готовая обнять ее. Быстро рвет цветы и куда-то прячет. Уносит с собой драгоценную находку, а потом одаривает ее подруг.

Среди тех, кому она принесла в камеру цветы, была боковая заключенная Екатерина Княпова, краковская работница, участница знаменитого Краковского восстания 1923 года. Вера отнеслась к ней с большой нежностью, ласково называла своей «матушкой» и очень заботилась о ней.

Цветы... Брат Веры — Василий Захарович Хоружий — до сих пор хранит несколько засушенных стебельков, посланных Вера в письме из Фордона.

Несколько лет спустя, уже на свободе, Вера вспоминала нашу тюремную жизнь, как-то сказала: — Даже в то проклятое время мы любили и солнце, и небо, и траву, и цветы. Как-только было время от всего, чем замечательна жизнь! Это и научило нас ценить любовь жизни, как высочайший дар.

Годы, проведенные Верой в подполье и тюрьмах, не иссушили ее души, широко открытой всему прекрасному. В ее полном красоте духовного облике появились новые грани. В фашистской неволе Вера не только сохранила, но и приумножила запас своих духовных сил.

Через все испытания стойко пронесла она свою глубокую веру в партию, широкий, светлый взгляд на жизнь и жажду большевистского дела для счастья народа.

Мария ДАВИДОВИЧ

И МУЖЧИНА ХОЧЕТ БЫТЬ ЭЛЕГАНТНЫМ

— Почему так трудно купить хороший мужской костюм? — спрашивают мы у работников московского магазина «Мужские костюмы».

— Если б это от нас зависело! — вздохнули продавцы. — Мало ли тут столько заинтересованных сторон... И вот мы создали в редакции все «стороны», от которых зависит выпуск и продажа верхней одежды для мужчин.

Редация и вперед будет созывать «заинтересованные стороны» для решения спорных по различным проблемам, волнующих советского человека.

ТОВАРИЩИ читатели, может, вы подскажете, кого позвать на следующий встречу?

ТАК, около ста мужчин, говоря языком торговых работников, — потребителей мужских костюмов, — внимательно рассматривали выставленные в зале костюмы.

Здесь же присутствовали хулиганки-модельеры, швейники, торговцы работниками и другие.

А потом между ними завязался этот самый разговор.

Выяснилось, что: а) сначала создается конструкция (именно, конструкция) костюма; этим делом занимается московский Дом моделей;

б) а параллельно идет выпуск тканей на ткацких фабриках;

в) продукция ткацких фабрик поступает на фабрики швейные;

г) продукция швейных фабрик примешивается в торговые точки, где и приобретает потребитель, в данном случае мужчинами.

Вот ясная схема того процесса, в результате которого создается мужской костюм, который...

Суя по выражению лиц мужчин-потребителей, костюмы (будем точны: не все!) не выдерживали строгой критики. Я бы сказал, что критика была скорее умеренной, чем строгой.

Претензии предъявлялись простые, человеческие. Например: Почему плохо пошиты костюмы? Почему у пиджаков старомодные торчащие плечи? Почему очень широкие брюки?

Почему костюм, если его сшили весной долгием, морщится, деформируется? Почему нет в продаже тех самых костюмов, образцы которых демонстрируются часто на витринах?

У меня нет желания описывать ту горячую перепалку, которая завязалась во время разговора, о котором идет речь. Швейники обвиняли модельеров, торговые работники — швейников, а все вместе и дружно — ткацкие фабрики. А потребители слушали и и диву давались. И было от чего!

Если идти по пунктам а, б, в, г... то выявится следующее (я передаю квинтэссенцию всего разговора):

а) Создает «конструкцию» костюмов, модельеры Дома моделей исходят не из той продукции, которую выпускают

Швейники: — А где их везать? Модельеры: — Это не наша забота! Так и не удалось выяснить, чья это все-таки забота.

б) Ткацкие фабрики выпускают мало современных качественных тканей. Об этом все говорили в один голос. Никто не пытался аргументально опровергнуть этот факт.

Швейники наступали: — Ладно, мы понимаем и вы понимаете, что даете промышленности мало первоклассных тканей. Но вот вопрос:

Дух доверия все глубже пронизывает все стороны жизни этого заводского коллектива. Не узкий круг лиц, а весь коллектив, каждый цех ощущает себя тут не только участником нового движения; но и его законодателем, и судьей! Присвоение званий бригадам коммунистического труда производится здесь не в канцелярии, а на «выездных сессиях» завкома в цехах, с участием всех рабочих, которым представляется первое слово. Велико педагогическое воздействие этой силы — доверия! Оно само собой коллективизирует, и не было еще у подчиненных такого, чтобы какая-либо из многих бригад, получивших почетное звание, впоследствии осрамилась, не оправдала доверия...

М ЕТОД доверия и метод канцелярской опеки... Канцелярщина, формализм оскорбляют самое лучшее, дорогое, что вырабатывает в коллективах коммунистического труда, вызывают горячий протест прежде всего у самых участников нового движения.

В конце прошлого года в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы машинистов станции Кинель Куйбышевской области. Что побудило их взяться за перо? Горечь от того, что на Куйбышевской железной дороге пренебрежительно отнес-

На Харьковском велосипедном заводе хорошо знают комсомолоку Валю Леонидову. Недавно ей было присвоено звание ударника коммунистического труда. В этом году она заканчивает десятилетку и будет готовиться к поступлению в вуз.

почему вы не декорируете свою продукцию? Молчание. Швейники: — Раз вы молчите, ответим за вас мы: вы не желаете, чтобы выпускаемая вами продукция несколько уменьшилась, ибо декорировка вызывает некоторую усадку материала. А швейники лишены возможности делать это, так как нет соответствующих декорировочных цехов и оборудования.

Но вот молчанье нарушено: — И потому еще, товарищи швейники, что не желаете, чтобы полученные вами, скажем, сто метров ткани, после декорировки превращались в девяносто пять. Верно?

Швейники: — А кто нам возместит эти пять метров? Никто не смог ответить на этот вопрос.

в) Основная порча материала идет на швейных фабриках. Но и тут имеются различного рода причины, до которых потребитель не дотягивается.

Швейники (в один голос): — У нас нет прессов. Грудь пятьдесят четвертого размера мы формируем на том же самом прессе, что и грудь костюма номер сорок восемь, сорок шесть, сорок четыре...

— Нам дают такие пуговичи, которые впроу выбрасывать. — Наша бортовка плоха. А бортовка — это то же, что фундамент для здания. Плох фундамент — дом разрушится.

— А почему не готовят кадры портных? Нужны кадры. Некогда русские портные славились по всему миру.

Швейникам задавались вопросы: — Почему вы продолжаете шить широкие брюки? Почему делаете торчащие плечи на пиджаках?

Отвечали так: — Есть такие мужчины, которые не хотят быть стильными.

А вы, товарищи швейники, скажите подобным мужчинам, что они сторонники «устаревшей» моды, что они стилисты тридцатых годов.

Нет уж, товарищи журналисты, объясните это сами. «Крокодил» — все бездельников в узких брюках. Кому же хочется быть бездельником? Товарищи мужчины хотят, чтобы их одежали как следует. Мы услышали мнение на сей счет всех «заинтересованных» сторон. За чем же дело? За делом!

Георгий ГУЛИА

КАК ЭТО БЫЛО

НА ДНЯХ, читая «Литературную газету», я увидел фотоснимок с надписью: «Май 1945 года. Советские танки на улицах Праги». С огромной радостью и волнением я ушел на этом снимке свой танк «У-00-III», себя, сидящего на люке, девушку-ленинградку Марусю, которая стоит у башни, и бойцов, охраняющих знамя чести.

И день, и ночь, где бы мы ни проехали, сквозь гуд моторов слышалась приветственная «Назад! Назад! Слава Красной Армии! На ходу танки забрасывали цветами, а стало оставаться, нас обнимали, целовали.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ФОРМ...

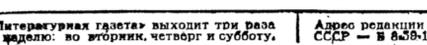
Уважаемый товарищ редактор! Направляю вам статью о поисках новых форм учебной работы в вузе. Мне кажется, что вопрос этот нужно считать достоянием всей нашей общественности...

так и студентов, бессонная система дает больше преимуществ. Студенты стали заниматься гораздо равномернее, внимательно и серьезно читают учебники и специальную литературу.

В ДАЛЕКОМ ПОСЕЛКЕ

«Дорогая редакция! Я медицинская сестра. Живу в киргизской ССР. Работала в костно-туберкулезной больнице, в поселке Шекафтар. Дружу с одним парнем, он шофер, живет в другом поселке, но приезжает к нам, мы ходим с ним в кино, на танцы.

Не удивительно, что в Шекафтаре люди не оседают надолго. И воздух свеж, и житье есть, и зарплата хороша, а текущие кадры очень велики.

Прогулка. Фото читателя В. Калмынова

В РЕДАКЦИЮ «Литературной газеты». В вашей газете была помещена статья под заголовком «Врадеи ли «Том Совер»?». По моему мнению, в статье стихи Роберта Бернса «Ночлег в пути» автор считает «чуждыми» и «остальными» в душе удивительное ощущение поэзии и чистоты.

Дорогая редакция! Читая «Литературную газету» за 28 апреля, мы увидели статью «Вь правы, тов. Бернина, критикующую стихи и песни Гарольда Регистана. Эта статья нас очень удивила.

Вопрос, заданный В. Коломейцевым и В. Поповым («Неужели сама любовь является пошлостью?»), казался бы, не нуждается в ответе. Да и сами авторы письма не скрывают, что для них это вопрос риторический.

Что и говорить, если бы стихотворение великого народного поэта Шотландии, широко известное у нас в прекрасном переводе С. Маршака, можно было хоть в какой-то мере свести к этому нехитрому сюжету, приговор был бы ясен: да, пошлость.

Трудно не поддаться обаянию этого стихотворения. Даже его противник П. Бабошин признает, что в его словах есть все-таки поэзия и красота.

Я низко поклонился ей — Той, что спала меня в метель, Утчиво поклонился ей И попросил постлать постель.

Полотно, которое она стелит, — «тончайшее», постель, на которой она спит, — «скромная». Выбор слов и деталей — а он определяется тем, как автор воспринимает происходящее.

«МОЖНО ЛИ ПРО ЛЮБОВЬ?»

И вдруг, чувство, которое до этого только подспудно жилось в стихотворении, о котором мы, ощущая его, почти не догадывались, проявляется более явно.

И оказывается, нам тоже было бы жаль, если бы он просто так расстался. Ведь мы все видели глазами героя стихотворения, и нам приятно было смотреть его глазами.

И тут чувство берет верх, герой не в силах противостоять ему: И так мила она была, Что крепко обнял я ее.

Девушка тоже захвачена чувством, хотя и знает, что это опасно. Но ее просяба: Коль есть у вас ко мне любовь, Оставьте девушку меня!

Теперь, когда мы прочитали это письмо, развести руки. Но невольник приходит в голову простая мысль: а ведь словечко «анекдот» здесь, как говорится, не в ветру взято.

Я целовал ее в уста — Ту, что постлала мне постель, И вся она была чиста, Как эта горная метель...

Эпизод заканчивается трогательной и нежной картиной. Девушка в ней отнюдь не выглядит существом с разбитым сердцем: Потом иглу взяла она И села шить рубашку мне, Январским утром у окна Она рубашку шила мне...

И, конечно, для героя это тоже — вовсе не мимолетное приключение: Целая веки влюбленных глаз И локон, выходящий, как хмель, Сказал я: «Много много раз Ты будешь мне стелить постель!»

Не удивительно, что в Шекафтаре люди не оседают надолго. И воздух свеж, и житье есть, и зарплата хороша, а текущие кадры очень велики.

В основе всех назидательных немудрых «бесед» лежит, в сущности, не стремление воспитывать молодежь в коммунистическом духе, а обязательное желание обезопасить себя от неприятностей в случае «чего-либо».

Что происходит дальше? Те девушки, которые послабе, плачут, таяют от любви, уходят из себя. А сильные характером — «строптивые», как их именует главларчар, — начинают бороться за свои права, за юношескую веру в то, что жизнь светла.

Мне здесь показали документ, поистине уникальн., протокол заседания местного Женкома, о котором шла речь, тоже хороший работник. Она полна была человека, ждал от него ребенка, он обманул ее. Женщина осталась одна.

Главный редактор С. С. Смирнов. Редакционная коллегия: В. Н. Болховитнов, Ю. В. Бондарев, Б. А. Галин, Г. Д. Гуля, Г. М. Корабельников, В. А. Косолапов (зам. главного редактора), М. М. Кузнецов (зам. главного редактора), Е. Л. Леонтьев, Г. М. Марков, В. С. Медведев, Г. Г. Радов, В. А. Солоухин, Е. Д. Сурков, А. С. Тертерян.

Допустим, любовь... Вы правы. Но ведь очень важно, чем все это кончилось. Надеюсь, стихотворение кончается мирной семейной идиллией?

Нет, стихотворение заканчивается иначе. Поэт не сообщает нам как сложились судьбы его героев. Может быть, они прожили вместе годы. А может быть, жизнь развела их. Но:

Мелькают дни, идут года, Цветы шевелят, метет метель, Но не забуду никогда Той, что постлала мне постель!

Что бы там ни было, любовь — величайшая ценность. И независимо от того, что будет с героями дальше, она — счастье, которое останется в их сердцах на всю жизнь.

В отличие от стихотворения Бернса «Ночлег в пути» лирический герой Козбева отнюдь не вступает в «случайную» связь. Здесь уж никому не придет в голову сравнивать сюжет стихотворения с анекдотом.

Всё в миг расценил по-иному, Боясь, что уже опоздал, Как доктор к опасно больному, Я кинулся на вокзал...

Банальные строки о груди, в которой все поет, как в музыкальной шкатулке, слегка настораживают. Но пока у нас еще нет оснований не доверять поэту, сомневаясь в подлинности его чувств.

Итак, герой устоял. Это похвально. Но интересно, как объясняет поэт причины этой моральной стойкости? Оказывается, дело в том, что...

Вот почему, дорогие товарищи Коломейцев и Попов, Константин Бернин резко критиковал стихи и песни Гарольда Регистана. Как видите, дело не в том, что в них встречаются слова «любовь» и «мила».

В основе всех назидательных немудрых «бесед» лежит, в сущности, не стремление воспитывать молодежь в коммунистическом духе, а обязательное желание обезопасить себя от неприятностей в случае «чего-либо».

Молодежь хочет учиться, а это в Шекафтаре не получается: школы рабочей молодежи нет, на курсы совершенствования большая очередь не посылает.

М. БЕЛЬКО, специальный корреспондент «Литературной газеты»

И в поезд другой пересел бы, Чтоб завтра ж вехать назад. Я полюбил у счастья, как видно, Ревнивый характер такой, Что просто становится стыдно Пользоваться с другой!

Таким образом, герой, самозабвенно помчавшийся спасать свою любовь, которую он с первых же строк объявил настоящей, большой, высокой, счастливой и горд от сознания, что на пути к любимой, в нескольких часах езды от нее, отказался от случайной связи с попутчицей, да еще такой попутчицей, претенциозная пошлость которой ясна ему с первого взгляда.

Но если отказ от дорожной интрижки представляется поэту событием, о котором стоит написать стихотворение, если он видит в нем серьезное испытание для своей любви, то какова же цена этой любви?

Мы видели, что пошлость того или иного произведения ни в какой мере не определяется избранной темой. Стихи Бернса «Ночлег в пути» убеждают, что самое обаятельное изображение самых интимных сторон человеческих отношений может быть не только бесконечно далеким от пошлости, но и удивительно чистым, поэтичным и целомудренным.

Мы коснулись в этой статье только одной сферы человеческих отношений. Но это не значит, что пошлость может проявляться только здесь. Опознать можно все — самые благородные поступки, самые святые чувства, самые высокие проявления человеческой сущности.

О КОНКУРСЕ НА СОЗДАНИЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КНИГИ «ОСНОВЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРАВДАВЕННОСТИ»

Институт философии Академии наук СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС и Государственное издательство литературы и искусства (Гослитиздат) объявляют открытый конкурс на написание книги «Основы коммунистической нравственности». Цель участия в конкурсе — создание научной и популярной книги по основам коммунистической нравственности для широкого круга читателей.

В конкурсе могут принять участие как отдельные авторы, так и авторские коллективы. Нежелательно участие в конкурсе представляющих не позднее 15 июля 1960 г. поодиночке пресекать книгу, на основании которой конкурс не проводится в месячный срок решит вопрос о допуске к конкурсу.

Рукописи книги должны быть представлены в Гослитиздат до 30 марта 1962 года. За лучшие рукописи книги, представленные на конкурс, будут присуждены премии в размере 50 000 рублей (первая премия), 35 000 рублей (вторая премия), 25 000 рублей (третья премия) и три поощрительные премии по 10 000 рублей.

Правление Московского отделения Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о смерти после тяжелой продолжительной болезни члена Союза писателей, активного участника гражданской войны Алексея Николаевича ГАРПИ, последовавшей 20 мая, и выражает соболезнование семье покойного. Справки по телефону — Д 2-08-98.

Правление Московского отделения Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о скоротечной кончине члена Союза писателей прозаика Нюхы Гешелевича ЛУРЬЕ, последовавшей 18 мая сего года, и выражает соболезнование семье покойного.